Время собирать камни. Том 2

Автор:
Александр Михайловский

Время собирать камни. Том 2

Александр Борисович Михайловский

Александр Петрович Харников

Ангелы в погонахОднажды в Октябре #3

В этом варианте истории Октябрьская революция в России случилась бескровно и почти бесшумно: тихое шуршание политических событий в Петрограде заглушил грохот Моонзундского сражения. Керенский сдает власть, а Сталин, имевший в те времена репутацию миротворца, ее принимает. Но еще ничего не предрешено. Огромная страна деморализована и демобилизована, дезертиры толпами бегут с фронта, а германская военщина, разозленная необъяснимым поражением, строит планы окончательного решения русского вопроса. Расколота и партия большевиков. В то время как большинство сплотилось вокруг Ленина и Сталина, гешефтмахеры от революции, действующие в интересах иностранных держав, восприняли новый курс в штыки. К тому же перед Советским правительством стоит проблема царского семейства, разбросанного по российским просторам: нужно сделать все, чтобы не допустить бессудных убийств, и под надежной охраной доставить Романовых в безопасное место под надежный надзор.

Прочитав эту книгу, вы узнаете, как правительству Сталина удастся заключить с Германией почетный Рижский мир, очистить партию от присутствия чужеродных элементов, а также, добившись сотрудничества от бывшего царя и его семейства, снизить накал внутринациональной смуты.

Александр Михайловский, Александр Харников

Время собирать камни

Часть 5

Мы наш, мы лучший мир построим

14 (01) октября 1917 года, Полночь. Петроград. Казачьи казармы на Обводном канале.

Эти трехэтажные здания строгого казенного вида на берегу Обводного канала знал каждый петербуржец. В них уже более полувека располагался Лейб-гвардии Казачий полк, сформированный из лихих наездников, выходцев с берегов Тихого Дона. Правда, сейчас, когда уже четвертый год шла страшная и кровавая мировая война, настоящих гвардейских казаков в этих казармах практически не осталось, так что в солдатских и офицерских корпусах жили обычные станичники из казачьих полков.

Большая часть их уже успела повоевать, понесла немалые потери, вдоволь хлебнула лиха, и была отведена в Петроград на переформирование. Здесь полки и застряли в ожидании приказа, который решил бы их судьбу. Правда, на фронт никому из казаков уже не хотелось: воевать неизвестно за что, нести потери и кормить вшей на фронте. И это в то время, когда другие – окопавшиеся в тылу интендантские крысы, и мальчики из богатых семей в мундирах «земгусаров» – разворовывали военное имущество, набивали карманы шальными деньгами из государственной казны и целыми вечерами не вылезали из дорогих ресторанов, прогуливая наворованное в обществе дорогих проституток.

Нельзя сказать, что казачки сочувствовали большевикам, но и за правительство Керенского они отнюдь не рвались класть свои головы. Во время передачи власти, когда юнкера в военных училищах попытались выступить против нового правительства, казаки заявили прибывшим сладкоголосым агитаторам, призывавшим их «спасти Россию от новой власти, возглавляемой немецкими шпионами Лениным и Сталиным», что они хранят политический нейтралитет, и в столичные политические игры играть не собираются. Пусть господа политики поищут дураков в других местах.

К тому же многие из станичников сразу засомневались насчет «немецких шпионов». Ведь в газете «Рабочий путь», которая дошла и до казачьих казарм, сообщалось, что эти «шпионы» уже ухитрились как следует врезать германцам при Моонзунде. «Вот так шпионы! – думали казаки. – У германцев, почитай, целый корпус в море бесследно сгинул. Не, братцы… – чесали они в затылке, – что-то тут не так. Пообождать надо и приглядеться, а то как бы впросак не попасть…»

Об этой самой большевистской эскадре, корабли которой отличились в сражении с германцами, среди казаков ходили самые разные слухи. Также поговаривали и каких-то не менее таинственных войсках, что должны со дня на день прибыть в Петроград. Возможно даже и такое, что эти войска уже прибыли, просто казаки, в силу своей оторванности от городских новостей, этого просто не заметили.

Старший урядник Горшков клялся и божился, утверждая, что, находясь у своей зазнобушки в Стрельне, своими глазами видел какие-то удивительные боевые машины, двигавшиеся по Петергофскому шоссе в сторону Путиловского завода.

– Братцы, – говорил старший урядник, размахивая зажатой в руке дымящейся трубкой-носогрейкой, – было это, значится, аккурат двадцать девятого. Сижу я, стало быть, у Катьки, чаи с вареньем гоняю – тут шум, грохот, лязг… Ажно дом затрясся. В окно выглядаю, смотрю – по Петергофскому шоссе прут такие чудные железные коробки. Каждая с твой сарай размером, и с пушкой не меньше трехдюймовки – вот ей-Богу! И прут, и прут, и прут, и прут… Братцы, я до двух десятков, досчитал и сбился. И у каждого на боку знаки – белый номер из трех цифирей и флаг андеевский. Я, братцы, с августа четырнадцатого на фронте. Все довелось повидать, но вот такое впервой…

Учитывая, что старший урядник два года был на фронте, где за отменную храбрость и находчивость получил два «Георгия», в военном деле он разбирался неплохо, и о разной боевой технике знал не понаслышке.

Хорунжий Тимофеев, в свою очередь, рассказал, что, прогуливаясь по Кирочной утром все того же двадцать девятого сентября и проходя мимо Таврического сада, он стал свидетелем удивительнейшего события. Дескать, в сад, на площадку, на которой раньше богатые горожане обучались верховой езде, прямо с неба опустился странный аппарат с двумя винтами сверху, а на борту андреевский флаг намалеван. Из аппарата, как заводные, повыпрыгивали какие-

то чудные солдаты, в невиданной ранее пятнистой форме, вооруженные такими же невиданными карабинами. Они что-то выгрузили, что-то погрузили в этот аппарат, после чего тот свечой взмыл в небо и умчался куда-то в сторону Выборга.

Казаки понимали, что события в Петрограде приобретают весьма странный оборот. Где это видано, чтобы правитель России сам, без борьбы, отдавал власть сопернику и удалялся в отставку? Командование казачьих полков, еще раз посовещавшись, решило, что не стоит лишний раз влезать в дела политические. Власти сами разберутся, кто из них самый главный. Ну а простые казаки и тем более придерживались старой солдатской мудрости – быть подальше от начальства и поближе к кухне.

Избранные еще летом этого года полковые комитеты 4-го и 14-го казачьих полков находились под сильным влиянием большевиков. Их делегаты решили отправиться в Смольный, чтобы там разобраться в происходящем. Вернувшись оттуда, они собрали сход всех членов полковых комитетов и долго о чем-то шушукались. Ну, а потом заявили, что и в самом Смольном, где находился ЦК большевистской партии, сам черт ногу сломит.

Оказалось, что одни из видных большевиков, многие годы боровшихся против царизма, выступают за новую власть и председателя Совета Народных комиссаров Сталина, а другие – за тех, кто называл себя «старыми большевиками». Главным среди «старых большевиков» был Андрей Уральский, или, как его еще называли, Яков Свердлов. О предательстве народной революции в Смольном говорил также председатель Петросовета Лев Троцкий. Говорил он много и красиво – заслушаться можно.

Так получилось, что делегаты казачьих полковых комитетов первыми в Смольном попались к противникам новой власти. Да это и не удивительно, ведь сторонники Сталина занимались в это время не прекраснодушной болтовней, а созданием Совнаркома – это именно ему предстояло вытаскивать Россию из той задницы, в которую ее провалили краснобаи вроде Керенского. Короче, поболтавшись по Смольному, казаки попали в объятья сладкой парочки Свердлов-Троцкий и вдоволь наслушались о том, что Сталин предал революцию, окружив себя генералами-золотопогонниками, и теперь хочет отправить казачьи полки на фронт, чтобы бросить на германские пулеметы. А потом вообще уничтожить все казачьи вольности, а войсковые земли на Дону отдать иногородним. От таких известий и речей у многих станичников голова пошла

кругом. Они не знали, кому и верить. Положим, на то, предал Сталин революцию или нет, им было глубоко начхать. Но в тоже время им совсем не хотелось ни идти под пулеметы, ни отдавать свою землю иногородним. Расея большая, и земли в ней много, нехай идут куда-нибудь еще.

Но в том же самом Смольном у одного из членов полкового комитета 14-го полка, подхорунжего Круглова, состоялась случайная встреча с одним интересным человеком. Подхорунжий шел по коридору, и вдруг увидел одного из тех самых «пятнистых» солдат, о которых два последних дня было так много разговоров. Три лычки унтер-офицера и общий подтянутый вид «пятнистого» подсказали Круглову, что перед ним человек знающий и бывалый.

Унтер сидел на широком подоконнике и, прижимая локтем к боку короткий карабин со странным изогнутым магазином, пил из жестяной кружки горячий чай. Рядом с ним на тумбочке стоял горячий чайник и лежала пачка галет. Подхорунжий, не евший с утра, почувствовал, что в животе предательски забурчало. Он поднял глаза и встретился с казаком взглядом. Неожиданно лицо его озарила широкая улыбка.

– О, зёма! – сказал он странное для подхорунжего Круглова слово. – Присоединяйся!

Подхорунжий не стал отказываться. С первых же слов по характерному произношению Круглов понял, что унтер откуда-то из их краев. И действительно оказалось, они земляки – оба родом из Второго Донского округа Области Войска Донского, из станицы Нижне-Чирской. Правда, этот унтер, назвавшийся Федором Мешковым, служил не в казачьих частях. Хотя, по его словам, он происходил из казаков, а не из иногородних. И звание его, как выяснилось, не унтер-офицер, а невиданный в русской армии сержант. Да и часть, где он служил, тоже была не совсем понятной – какая-то краснознаменная гвардейская бригада морской пехоты.

– Это вроде пластунов кубанских? – поинтересовался у него подхорунжий.

– Нет, – словоохотливо ответил старший сержант, – хотя чем-то наша служба и похожа. Но мы воюем не на коне, как кавалерия, и не на своих двоих, как пехота и пластуны. Мы идем в бой верхом на броне, с корабля прямо на бал. Ты наши машины боевые видел?

– Это те, которые у входа в Смольный? – спросил подхорунжий. – У них еще колес аж восемь штук. И еще другие, с четырьмя колесами, как у обычных авто, и с пулеметом сверху? Они что, и в самом деле бронированные? Не похожи они, Федя, на броневики. Я видел машины бронеотряда под Перемышлем. Хорошая штука, но вот только они могут передвигаться лишь по дороге. Чуть в сторону съехал – и сразу застрял, да так, что и дюжиной лошадей не вытащить.

– Эх, зёма… – с усмешкой ответил ему унтер Мешков.

Он принялся рассказывать такие страсти, что у подхорунжего волосы вставали дыбом…

– То, что похоже на обычное авто – так это «Тигр», он для начальства и для разведки. Машина с восемью колесами называется бронетранспортер или просто БТР. Ни в какой грязи он не застревает, ходит везде и всюду, да в придачу еще и плавает. При этом БТР перевозит отделение бойцов и вооружен пулеметом КПВТ, калибра семь линий, который на дальности в две версты уложит и слона. По пехоте с пятисот шагов – девятерых навылет, в десятом застрянет. Причем если пуля попадает в живот, от человека остаются две половинки – верхняя и нижняя. Но это так, легкая кавалерия, а для серьезных дел у нас есть боевые машины и посильнее, чем те, что ты видел. Их просто в город не пускают, боятся всех перепугать, да и порушить они могут немало. Тот же танк Т-72 проедет этот Смольный насквозь, и не заметит. Водила скажет: ну, в поворот не вписался, зрение плохое.

Подхорунжий поежился, представив, как огромное железное чудовище, рыча мотором и плюясь вонючим дымом, проламывает себе дорогу через это здание.

А странный земляк тем временем продолжал:

– Так что для боя у нас есть такая техника, что ты даже себе и представить не можешь. Зёма, нашей ротой местный полк положить – раз плюнуть, только патронов жалеть не надо. В этом смысле нам что папуасы с копьями, что мужики с трехлинейками – все едино.

Наконец Круглов осторожно задал главный вопрос:

– А вот тут, в Смольном, один из этих, из «большевиков», только что нам говорил, что такие как ты, Федя, которые Сталину служат, собираются всех казаков повывести…

– Это Троцкий, что ли? – с презрением процедил сквозь зубы старший сержант, – так ты его еще послушай, такой соврет – недорого возьмет. У нас даже пословица есть – «треплется как Троцкий». Да и Свердлов – это тот, который в черной коже с головы до ног – тоже еще та сука. Вот кто нас, казаков, под корень извести собирается. Ты, зёма, среди той компании хоть одного казака или хотя бы москаля видел? Нет? Вот то-то же. Я еще к вам заеду в гости и покажу бумагу, которую подготовили Свердлов с Троцким. Поверь мне, там такое понаписано, что твоя рука сама к нагану или шашке потянется.

– Да что ты говоришь? – удивился подхорунжий. – А ведь они так складно нам обо всем говорили. О вольностях Тихого Дона, о казаках, которые русским совсем не родня, и которые должны жить по своим, казачьим законам. О наших атаманах, что с царем воевали, за волю нашу головы клали…

– А это, зёма, – сказал старший сержант, – такая ихняя хитрозадая политика. Чтобы нас всех между собой поссорить и заставить воевать друг с другом. А они будут делать на этом свой обычный гешефт под сто процентов годовых. Ничего личного, только бизнес.

Подхорунжий взорвался:

– Значит, на самом деле выходит, что эти обманщики бессовестные, волки в овечьей шкуре, мечтают на нашей казацкой крови урвать себе власть…

– Да не выходит, а так и есть, – кивнул Мешков. – Слушать, что тебе говорят разные люди, конечно, надо, но и своей головой думать обязательно. – Тут у него в кармане что-то запищало, и он, легко спрыгнул с подоконника, лязгнув подковками ботинок. – Ну, пока, зёма, бывай! Пора мне – служба. Ты это… – унтер оглянулся и понизил голос. – У нас в батальоне не я один такой, есть и еще станичники с Дона и Кубани. Так что готовься встречать гостей, господин подхорунжий, на днях заедем к вам в гости в казармы на Обводном. Встретите земляков?

Круглов машинально кивнул, допивая чай, а странный унтер, подхватив чайник, рванул куда-то по длинному и темному коридору Смольного.

Подхорунжий разыскал своих из полкового комитета и все им рассказал. Потом еще долго степенные казаки чесали затылки, размышляя, что бы это все значило.

Вот с такими вестями и слухами вернулись в казармы делегаты донских казаков, а потом долго думали думу, решая, чью сторону принять в случае возможной заварухи в городе. Но, так ничего и не решив, уже за полночь постановили расходиться, понадеявшись, что утро вечера мудренее, и время подскажет, как жить дальше.

И тут случилось вот что. На ночной дороге за Обводным каналом полыхнули яркие лучи фар, и стал слышен тот специфический лязгающий грохот, о котором так красочно рассказывал старший урядник Горшков. Мысли об отдыхе моментально вылетели из казачьих голов, и они гурьбой высыпали на набережную, не зная, куды бечь и кому сдаваться.

Ревя двигателями и лязгая гусеницами, три приземистые коробки двигались по набережной Обводного канала. Теперь казаки точно поняли, что ЭТИ прибыли по их душу. В свете фар было видно, что на этих грозных машинах восседают, словно мужики на телеге с сеном, вооруженные люди.

Пока железные коробки приближались к казармам, в первые ряды глазеющих на них казаков протолкнулись члены полковых комитетов. Страха не было. Во-первых, казачки по натуре своей были не из робкого десятка, а, во-вторых, им почему-то думалось, что русские люди не должны стрелять в своих же, русских. Большевики на этот раз пришли к власти тихо, без пальбы и кровопролития, никого не напугав, кроме разве что питерских гопников и послов Антанты. Но ни мнением первых, ни тем более мнением вторых казаки, в общем-то, не интересовались, им вполне хватало и своих забот.

Поэтому никто из них даже не вздрогнул, когда все три машины остановились шагах в двадцати от толпы. С первой из них ловко спрыгнула высокая плотная фигура.

– Здорово, земляки-станичники! – сказал военный (должно быть, главный среди незваных гостей).

Следом за ним с брони посыпались и остальные. В темноте не было видно, что механики-водители и наводчики-операторы БМП остались все на своих местах.

Казачки в ответ тихо загудели и вытолкнули из своих рядов хорунжего Платона Тарасова, одного из самых уважаемых и степенных казаков.

– И вам здорово, добрые люди, – осторожно ответил Платон, потом немного помолчав, спросил: – вы чьи же такие будете?

Офицер-поручик (в свете фар блеснули три маленькие звездочки на погонах) сделал шаг вперед.

– Господин хорунжий, не знаю, как там вас по имени-отчеству, мы роду-племени казачьего, и служим лишь России-матушке и товарищу Сталину, а более никому.

– Сталину, говорите… – почесал в затылке Платон. – А почто ваш Сталин всех казаков под германские пулеметы погнать хочет? Чтобы всех казачков извести, а землю нашу иногородним отдать? – Он с победным видом обернулся назад. – Верно я гутарю, братцы?

– Верно, верно! – загудела толпа.

– И кто тебе сказал такую ерунду? – со смехом выкрикнул из темноты один из прибывших.

– Так такой же большевик, Яковом Свердловым его кличут, – степенно сказал Платон Тарасов. – Своими ушами слыхал – что, дескать, по наущению Сталина нас, казаков, генералы-золотопогонники пошлют под Ригу, в самое пекло, прямиком под германские пулеметы. И когда никого не останется, Сталин нашу землицу для иногородних-то и заберет. Так что отвечай, поручик, почто нехристю служишь?

– Ты, станичник, до седых волос дожил, да только ума не набрался, – язвительно ответил морской поручик. – Это кто же нехристь-то, товарищ Сталин что ли? Да

чтоб ты знал, грузины в православии постарше даже нас будут. А товарищ Сталин – так он вообще в семинарии учился, не доучился только. Пошел за правду бороться, как Христос заповедовал.

– Точно, дядь Платон, он правду гутарит, – крикнул откуда-то сзади молодой голос, – православные они, грузины эти.

Хорунжий Тарасов, уже имеющий вид «сижу в луже», возвысил на молодого казачка голос:

– Цыц, Митрофан, не лезь в разговор старших! Ума-разума сначала наберись! Без тебя знаю, что православные они, это я так, проверял.

Если Платон Тарасов и собирался кого этим заявлением запутать, то он дал маху. Грохнул такой взрыв хохота с обеих сторон, что дезавуированный «авторитет» тихо и незаметно покинул площадку, чем моментально воспользовался его оппонент.

– Станишники, да вы что, совсем из ума выжили? Кому вы поверили? Тем, для кого, как они сами говорят, «Россия – это охапка хвороста, брошенная в мировой пожар революции»? Да вы для них быдло, которое должно убивать друг друга для торжества ИХ революции. Вот что говорил Свердлов о русской деревне… – Поручик вытащил из кармана лист бумаги и стал читать вслух: «Только в том случае, если мы сможем расколоть деревню на два непримиримых враждебных лагеря, мы сможем разжечь там гражданскую войну». Ну? Понятно теперь, что им нужно?

Из толпы казаков раздались возмущенные голоса: «Ироды!», «Так вот они что хотят!», «Убить за такое мало!»

– Но и это еще не все. Тут и про вас написано. Хотите почитать, что он про «искоренение казаков как сословия» говорил? Вам прочитать вслух? – спросил поручик.

– Толпа жадно выкрикнула:

– Давай! Читай, что там эти ироды еще придумали!

И поручик начал читать: «Признать единственно правильным самую беспощадную борьбу со всеми верхами казачества, путем поголовного их истребления…»

Толпа, услышав эти слова, ахнула от возмущения. А поручик продолжал читать страшные для казаков слова человека, который совсем недавно клялся в любви к ним: «Провести массовый террор против богатых казаков, истребив их поголовно… Конфисковать хлеб и заставить ссыпать все излишки в указанные пункты, это относится как к хлебу, так и ко всем сельскохозяйственным продуктам… Провести разоружение, расстреливать каждого, у кого будет обнаружено оружие после срока сдачи… Вооруженные отряды оставлять в казачьих станицах…»

Поручик не дочитал все, что было когда-то сказано Свердловым и воплощено когда-то в жизнь на казачьих землях… Станичники буквально ревели от ярости. Какие-то горячие головы уже размахивали над головой обнаженными шашками и порывались тут же рвануть на Смольный, чтобы порубить в капусту Свердлова с его подручными.

А поручик, решив окончательно довести казачков «до кондиции», сначала подождал, пока они немного успокоятся, потом продолжил:

– А вот с этим, «кожаным», был еще один, с бородкой, кучерявенький такой. Троцкий его фамилия. Хотите знать, что он о вас говорил?

Услышав рев толпы, который можно было посчитать за знак согласия, поручик снова развернул свой листок.

– Вот что было написано в газете, которую редактировал этот Троцкий: «У казачества нет заслуг перед Русским народом и русским государством… Дон необходимо обезлошадить, обезоружить, обезнагаить. На всех их революционное пламя должно навести страх, ужас, и они, как евангельские свиньи, должны быть сброшены в Черное море…»

Страшно было смотреть на то, что творилось сейчас на набережной Обводного канала. Все казаки, даже те, кто считал, что не надо соваться в неказачьи дела, готовы были порвать в клочья голыми руками Свердлова и Троцкого. В казачьи казармы им дорога теперь была навек заказана.

Когда крики доведенных до бешенства казаков стихли, оказалось, что в толпе, в которой оказались и приехавшие на боевых машинах морские пехотинцы, бок о бок стоят старые знакомые – подхорунжий Круглов и сержант Мешков.

– Это правда, Федя? – спросил Круглов, показывая рукой на помятый лист бумаги, который держал в руке выступавший перед казаками поручик.

– Самая что ни на есть правда, – ответил Федор, – вот, возьми. – Он достал из своей жилетки со множеством карманов пачку листовок, напечатанных на серой газетной бумаге. – Товарищ Сталин и его правительство делает все, чтобы эта правда с бумаги дошла до вас и до ваших станиц. – Сержант повысил голос. – Казаки, смотрите, чтобы вас не провели эти краснобаи, как детей малых!

– А как насчет того, что нас хотят послать под германские пулеметы? – выкрикнул кто-то из задних рядов. – Ведь ваш Сталин и вправду дружит с генералами. А эти золотопогонники солдат и казаков за людей не считают: мильеном больше, мильеном меньше – им все едино, лишь бы новый чин получить или награду за это.

– Генералы генералам рознь, – степенно ответил поручик, – воевать-то можно по-разному. Где с умом, а где и без ума. Кто прет на немецкие пулеметы, не считаясь с потерями, а кто людей бережет, и воюет так, как Александр Васильевич Суворов и Матвей Иванович Платов учили – не числом, а умением. Насчет же того, что, когда и как, я вам сейчас ничего не скажу, потому как сам не знаю, ибо военная тайна. А о том, как мы воюем, рассказывать долго, проще поглядеть. Завтра в десять пополудни на пустыре у песчаного карьера что у Фарфоровского поста будут учения нашей броневой техники бойцами Красной Гвардии. Кто хочет, станишники, может прийти, может, чего и поймете. А сейчас прощевайте, поговорили мы хорошо, встретимся завтра – еще погутарим.

Поручик обернулся к своим и крикнул:

– А ну, орлы, по коням!

Снова взревели моторы, лязгнули гусеницы, и облепленные людьми боевые машины снова рванулись в темноту.

Еще немного посудачив после отъезда странных гостей, члены полковых комитетов, посовещавшись, приговорили – послать завтра с утра сразу две делегации. Одну – к песчаному карьеру, посмотреть на обещанные хитрые маневры. А другую – на Путиловский завод, где, по слухам, квартируют эти странные солдаты.

15 (02) октября 1917 года, Утро. Тобольск.

Бывший царь, а ныне гражданин Николай Александрович Романов.

– И повелели тя, твое бывшее величество, доставить в Петроград со всем возможным поспешанием, вместе с чадами и домочадцами. Завтра придет пароход, вот вас с последним рейсом в Тюмень и отправим. А там – фьють! – скорый поезд Тюмень – Санкт-Петербург, аллюр три креста. Не пройдет и недели, господа хорошие, и вы уже там…

Комиссар Временного правительства перед визитом к бывшему императору для храбрости в меру выпил, и теперь с трудом удерживал себя, чтобы просто не начать куражиться. Ведь что, по мнению, бывшего народовольца, а ныне правого эсера Василия Панкратова могла означать телеграмма, требующая срочно отправить бывшего царя в Петроград? Правильно – суд и расстрел!

Бывший царь выслушал это известие молча, при этом на его лице не дрогнул ни один мускул. Что ж, еще один удар судьбы. Сколько их уже было, таких ударов – начиная от неожиданной болезни и безвременной кончины отца, за которым Николай чувствовал себя как за каменной стеной, и кончая заговором господ генералов в феврале этого года. В его царствование судьба была крайне скупа на радостные и приятные события. Царь шутил: «Это оттого, что родился я в день поминовения Святого Йова Многострадального, и мне свыше предназначено много страдать».

Находясь в великом смятении духа, Николай поднялся на второй этаж, где и проживала его семья. Он еще ничего не знал о том, что произошло в Петрограде, и потому недоумевал, отчего так резко изменилось настроение Временного правительства. Дело в том, что новости о событиях в Петрограде пока еще не дошли до такого медвежьего угла, как Тобольск. И не дойдут еще долго. В ТОТ РАЗ об Октябрьском восстании тут узнали лишь через десять дней. А пока в Тобольске никто не ведал ни о сражении в Рижском заливе, ни о разгроме

немецкого десантного корпуса на Эзеле, ни об отставке Керенского, ни о передаче власти правительству Сталина. Тишина и покой. Так бывший царь вместе с семьей почти два месяца и наслаждались этим покоем, отдыхая душой.

Но всему приходит конец. В Петрограде вдруг вспомнили, что у них в запасе имеется целое царское семейство – можно сказать, настоящие живые трупы, над которыми легко устроить судилище, а потом повесить на потеху толпе. Николай хорошо помнил судьбу своих царственных коллег по несчастью. В Англии королю Карлу I Стюарту мясники Кромвеля отрубили топором голову, во Франции короля Людовика XVI и королеву Марию-Антуанетту отправили на гильотину. Размах жестокостей идет по нарастающей, и теперь, вполне возможно, Керенский и Ко вознамерились убить всю его семью.

Николай помнил, как еще до его ссылки в Тобольск бесновалась так называемая «прогрессивная общественность», с пеной у рта вопившая: «распни его, распни!». Всеобщая ненависть постоянно преследовала семью бывшего царя. И нельзя сказать, что ненавидящие были чем-то лучше. Нет, совсем не так. Так же, как и он, новые правители России оказались бессильны что-либо исправить или что-то сделать лучше.

Поднимаясь по лестнице, на полпути Николай столкнулся с Александрой Федоровной. Лицо императрицы было бледным.

«Она все слышала, – догадался Николай, – эта пьяная скотина орала так, что было слышно и в спальнях наверху». С запоздалым сожалением царь подумал, что следовало повесить этого Панкратова еще лет двадцать назад – всего-то и делов.

Александра Федоровна, не говоря ни слова, бросилась на шею мужу.

– Нас повезут в Петроград, – тихо сказал Николай на ухо супруге, – комиссар сказал, что Керенскому хочется устроить судилище. Наверное, его дела совсем плохи, и он желает отвлечь внимание толпы от своей драгоценной персоны. Завтра в Тобольск с последним рейсом придет пароход. На нем мы и отправимся в Тюмень, а уже оттуда по железной дороге в Петроград. Крепись, душа моя. Христос терпел, и нам велел.

– Пойдем помолимся за наших детей… – так же тихо ответила Аликс. – Пусть хоть их минует чаша сия.

И царская чета направилась в спальню, чтобы, может быть, в последний раз в жизни спокойно помолиться перед иконами. Немного позже к родителям присоединились дочери Ольга, Мария, Анастасия и Татьяна, и сын Алексей.

Еще раз явившись к Романовым, Панкратов заявил, что он-де сам возглавит переезд, а поскольку средства на него выделены ограниченные, то, кроме бывших царя и царицы, а также их детей, в Петроград поедут только ближайшие слуги: лейб-медик Боткин, лейб-повар Харитонов, камердинер Трупп, горничная Демидова… и двадцать наиболее революционно настроенных солдат для охраны. Говоря эти слова, старый революционер, народоволец и правый эсер думал о германском пистолете маузер, лежащем у него в чемодане. Если что-то пойдет не так, и по дороге царя вместе с его выводком попытаются освободить, то, пока солдаты будут отстреливаться, двадцати патронов в его магазине вполне хватит на то, чтобы лишить смысла эту затею.

15 (02) октября 1917 года, Утро. Петроград, Таврический дворец,

Председатель Совнаркома Сталин, Тамбовцев и старший лейтенант Бесоев.

Сталин поднял от бумаг покрасневшие от усталости и недосыпа глаза и посмотрел на Александра Васильевича Тамбовцева, который тоже сейчас выглядел неважно. Тяжкое это дело – тащить из болота огромную страну, куда ее загнали предыдущие правители. Это что-то вроде аттракциона с участием барона Мюнхгаузена, который вытаскивал сам себя за косу из непролазной топи. И это при том, что в государственном аппарате, как крысы в амбаре, чиновники и прекраснодушные болтуны, мнившие именно себя «мозгом нации», продолжали активно разрушать все, до чего могли дотянуться. «А на самом деле они говно», – вот тут Ильич был абсолютно прав. А еще лучше сказал об этой «образованщине» великий русский писатель Антон Павлович Чехов: «Я не верю в нашу интеллигенцию, лицемерную, фальшивую, истеричную, невоспитанную, лживую, не верю даже, когда она страдает и жалуется, ибо ее притеснители выходят из ее же недр». Да, недаром Сталин так любил Чехова…

Вот и сейчас борьба за народное счастье сменилась в умах этих людей борьбой за какую-то абстрактную свободу, которой якобы угрожают эти ужасные большевики. И пусть от голода умрет половина Петрограда – правительство Сталина должно пасть.

С другого фланга активизировалась вся ультралевая шушера, которой лишь бы кровь лить: Свердловы, Троцкие, Урицкие и прочие Эйхе. Для сторонников «революционной» войны с Германией правительство Сталина тоже было хуже, чем свиное ухо для раввина. И среди всех этих забот немалое место занимала семья бывшего царя. Чтобы успокоить волнения, необходимо действовать, с одной стороны, твердо и решительно, а с другой стороны, не совершая резких движений, способных раскачать лодку, которую и так носит по штормовому морю. Правда, нет никакой гарантии, что такие движения не начнут совершать другие люди. Но на то есть НКВД, товарищ Дзержинский, полковник Антонова, подполковник Ильин и прочие бойцы невидимого фронта.

Но сейчас дело не в этом. Сейчас товарища Сталина беспокоит та информация, которую он почерпнул, читая книги, предоставленные пришельцами из будущего.

– Товарищ Тамбовцев, – сказал председатель Совнаркома, – вот вызвали мы сюда бывшего царя с семьей. Я понимаю, что оставлять его в Тобольске было нельзя. Но если, к примеру, его пристрелят по дороге? Что тогда делать будем? Я тут прочел, что комиссаром Временного правительства при царской семье был некто Василий Панкратов. Старый революционер и политкаторжанин, начинал еще в 1883 году в движении Народная Воля, с 1903 года в партии социалистов-революционеров. В ВАШЕЙ ИСТОРИИ после Октябрьской революции не принял Советскую власть и развернул с ней активную борьбу. Поддерживал Колчака… – Сталин внимательно посмотрел на Тамбовцева. – И как вы думаете, что сделает такой человек, когда по мере приближения к Петрограду узнает, КОМУ именно понадобились Романовы? Не получим ли мы вместо Ипатьевского дома Ипатьевский вагон?

– Вполне возможно, что и получим, – немного подумав, кивнул Тамбовцев. – Я, в общем-то, как-то не обратил внимание на такие детали, думал, что сидит в Тобольске какой-нибудь мальчик-одуванчик из студентов-недоучек. А тут старый террорист…

В этот момент в кабинет Сталина, постучавшись, вошел старший лейтенант Бесоев.

– Здравия желаю, товарищ Сталин, – сказал он, козырнув, – извините за задержку. Вот… – С этими словами он вытащил из кармана за ствол «маузер» и аккуратно положил его перед Сталиным рукоятью вперед, накрыв сверху мятой бумажкой. – Некто Урицкий Моисей Соломонович, не имея пропуска, пытался проникнуть в Совнарком, размахивая подписанным Свердловым мандатом и вот этой железякой. Красногвардейцы – ребята хорошие, но против старых революционеров нестойкие. Пришлось вмешаться мне. Урицкого в состоянии нирваны увезли к товарищу Дзержинскому в НКВД, а «маузер» и мандат – вот они….

Сталин и Тамбовцев переглянулись. «Террариум единомышленников» пришел в движение. Не так уж было важно, планировалось ли покушение на Сталина прямо сей момент, или же Урицкий просто пришел на рекогносцировку. Важность представляло другое: не найдя в окружении Сталина нужных людей, «старые большевики» перешли к привычному для них террору. Сталин вспомнил рассказ о том, как накануне революции 1905 года Свердлов создал на Урале «Боевой отряд народного вооружения». От своих боевиков тот требовал жестокости и крови. Когда один из них, Иван Бушенов, высказал сомнения в методах Свердлова, тот зловещим голосом произнес: «Ты что же, Ванюша, революцию в белых перчатках хочешь делать? Без крови, без выстрелов?».

Так что опыт террора у Андрея Уральского есть. Сталин прочитал в одной из книг пришельцев из будущего, что роль Свердлова в покушении на Ленина 30 августа 1918 года была весьма запутана и странна. Сразу после покушения тот первым прибыл в Кремль. Жена его рассказывала, что в тот же вечер он занял кабинет Ильича. И именно он провел спешное расследование по делу Фанни Каплан, и как раз по его приказу ту быстро расстреляли и на территории Кремля сожгли в бочке.

В то же время до поры до времени НКВД не могло предпринять никаких мер против руководства заговора: во-первых, само Главное Управление Госбезопасности находилось еще в стадии становления, а во-вторых, резкие телодвижения грозили расколом в партии. Необходимо было дождаться выступления, и, не дав разгореться огню мятежа, разгромить путчистов.

Но сейчас тема разговора была несколько другая.

– Товарищ Бесоев, – сказал Сталин, – спасибо вам за проявленную революционную бдительность. Товарищ Тамбовцев, наверное, и ваших бойцов стоит назначать в караулы вместе с красногвардейцами. Но мы, товарищ Бесоев, позвали вас для другого. Есть работа, которую могут выполнить только вы и ваши люди.

– Слушаю, товарищ Сталин. – Старший лейтенант был весь во внимании.

Сталин продолжил:

– Вы должны отправиться навстречу поезду, в котором везут в Петербург бывшего императора с семьей. Встретив этот поезд, вы смените назначенного Временным правительством комиссара и подчиненный ему караул. Это очень опасный человек – не для вас опасный, а вообще. В первую очередь он опасен для Романовых. Вы должны сделать все, чтобы в НАШЕЙ ИСТОРИИ такой позорный поступок, как расстрел семьи Романовых, не свершился именем Советской власти. Вам решать, что сделать с этим Василием Панкратовым. Можете его выкинуть из поезда, можете доставить в Питер и передать в ведомство товарища Дзержинского. В конце концов, если он попытается оказать сопротивление, пристрелите его. И сделайте все, чтобы по дороге в Петербург с головы царя и его семейства не упал ни один волос. Вот, пожалуй, и все. – Сталин помолчал, разминая папиросу. – Сколько человек вы возьмете с собой?

Старший лейтенант Бесоев на мгновение задумался.

– Взвод моих спецназовцев, запас продуктов на четырнадцать дней для нас, и на неделю – для эскортируемых. Один классный вагон для Романовых, две теплушки для моих ребят, и три четырехосные платформы. Две платформы пойдут под БТРы, и одна под «Тигр». Это на тот случай, если вдруг в поисках царской семьи придется отклоняться от железной дороги.

– Лучше не отклоняться, – серьезно сказал Сталин и посмотрел на Тамбовцева. – Ну как, можно выделить товарищу Бесоеву все, что он просит?

Вполне, – ответил тот, – и срок в две недели кажется мне достаточно реальным, хотя, наверное, можно уложиться и в десять дней.

– Договорились, – сказал Сталин, – я сейчас распоряжусь, чтобы вам организовали поезд, а вы собирайте своих людей и технику. Если по уму, то отправить вас следовало еще вчера. Да, царя повезут северным маршрутом, через Вологду и Вятку, так что и вам придется следовать тем же путем. – Он махнул рукой. – Все, товарищ Бесоев, идите. Счастливого пути!

Не успел тот дойти до двери, как Сталин снова окликнул его:

– Постойте, мне тут вот что пришло в голову… Тут по Петрограду, как некая субстанция в проруби, болтается контр-адмирал Пилкин. Возьмите его с собой – ведь он, кажется, монархист? Пусть тоже поучаствует в спасении бывшего царя. Да и гражданин Романов будет вести себя спокойнее, увидев среди вас знакомое лицо. Теперь все, товарищ Бесоев, идите. А вы, товарищ Тамбовцев, пожалуйста, найдите Пилкина и морально подготовьте его к предстоящему путешествию.

15 (02) октября 1917 года, Полдень. Петроград, Николаевский вокзал.

Контр-адмирал Владимир Константинович Пилкин и старший лейтенант Николай Арсеньевич Бесоев.

Беспорядочная суета последних минут перед отправлением поезда. Чтобы его составить, потребовались последние остатки авторитета генерала Потапова, звонок в Викжель от самого Сталина, неуемная энергия товарища Тамбовцева и настырность старшего лейтенанта Бесоева. Попавший сюда уже в последние минуты перед отправлением контр-адмирал Владимир Константинович Пилкин чувствовал себя не в своей тарелке. Еще утром он думал, не пора ли ему вернуться на свой флагманский крейсер «Баян» и к обязанностям командующего эскадрой крейсеров – и тут его находят и чуть ли не за шиворот тащат к некоему господину Тамбовцеву, который делает ему предложение, от которого контр-адмирал не мог отказаться. Да и как тут откажешься, когда в твоей помощи нуждается сам Император Всероссийский? Пусть даже все и считают его бывшим императором. Но контр-адмирал был одним из последних «твердокаменных монархистов». Он понимал, что нереально рассчитывать на возвращение Романовых на престол. Но эта идея была у него как первая романтическая любовь. Знаешь, что предмет твоей страсти недостижим, а все равно так сладко и приятно иногда помечтать о несбывшемся…

А в том, что реставрация невозможна, он убеждался, каждый раз выходя на петроградские улицы. Не было сейчас в России людей более ненавидимых, чем царь и царица. Причем ненависть эта взращивалась не усилиями революционеров-подпольщиков, а самой царской семьей и фрондировавшими сливками общества. Иногда контр-адмирала обуревали тоска и чувство безнадежности, а иногда и ощущение бешеной злобы от бессилия изменить ситуацию.

И вот ему предложили достойный выход. Тем более что и делать-то ничего не придется. Надо только показаться пред светлыми очами Николая Александровича и убедить того не делать ненужных глупостей. Ибо бывшему императору и его семье не грозит ничего, кроме ограничения передвижения (в пределах Гатчины), и гласного контроля НКВД.

Все, решение принято, вино налито, и надо его пить. Контр-адмирал бросил недокуренную папиросу в урну, и вскочил на подножку пассажирского вагона. Часовой в тамбуре отдал ему честь. Пронзительно крикнул паровоз, лязгнули вагонные сцепки, и состав отправился в путь. Владимир Константинович Пилкин стоял и смотрел, как убегает назад перрон Николаевского вокзала, как мелькают телеграфные столбы и исчезает в туманной дымке Петроград.

– Владимир Константинович, – окликнул Пилкина проходивший по коридору поручик Бесоев, – пройдемте в мое купе, есть разговор.

Закрыв за собой дверь купе, поручик сказал:

– Господин контр-адмирал, вы, пожалуйста поймите правильно – этим парадом командовать поручено мне. До момента встречи с царской семьей вы пребываете на положении пассажира. Потом, ваша задача – предельно подробно рассказать бывшим монархам о событиях последней недели…

– Я все понимаю, господин поручик, – задумчиво ответил Пилкин, – в нынешних условиях у меня просто нет другого выхода… – Он немного помолчал. – Скажите, а что если люди, которые сейчас сопровождают Николая Александровича, откажутся их вам передавать? Или даже пригрозят вам их убийством…

Лицо поручика стало жестким.

– А вот тогда, Владимир Константинович, им придется об этом очень сильно пожалеть. Мы не позволим, чтобы с голов членов царской семьи упал хотя бы волос. Вы уж поверьте, такие штуки, как освобождение заложников, мы умеем делать очень хорошо. Ибо этому нас специально учили. Вы не поверите, до каких пределов подлости способны дойти люди с целью достижения своих политических целей. Ни одному Азефу или Савинкову не приходило в голову захватить и заминировать театр вместе со зрителями или гимназию вместе с детьми…. По сравнению с той сволочью, что водилась в наше время, ваша сволочь – это просто малые дети. Так что ответственность за безопасность семьи Романовых целиком и полностью лежит на мне, а вам вменяется делать так, чтобы они не осложняли нашего положения лишними телодвижениями.

Немного обидевшись на последние слова Бесоева, Пилкин спросил:

– Скажите, господин поручик, а почему вы так пренебрежительно относитесь к Николаю Александровичу? Ведь он, как-никак, император, хотя и бывший?

– Господин контр-адмирал… – старший лейтенант сказал это таким тоном, что Пилкину показалось, что его сейчас пошлют по известному каждому русскому человеку адресу. – Все, что происходит сейчас, и все, что происходило в дальнейшем в МОЕЙ ИСТОРИИ – все беды, несчастья, смуты, разрушительные войны, голодоморы, терроры и прочее – все имеет своим основанием действия и бездействия Николая Александровича Романова, беспартийного, женатого, имеющего четырех дочерей и одного сына. Во всех его решениях, которые стали губительными для российского государства и миллионов русских людей, не было обстоятельств неодолимой силы. С подобными вызовами, наверное, не смогли бы справиться только Петр III и Павел I. Но и короны на их головах держались куда слабее. Ваш Николай Александрович умудрился профукать все, к чему прикасался. Начиная от Ходынки и заканчивая этой злосчастной войной. А спасаем мы его сейчас только потому, что эти одиннадцать человек, включая горничную, камердинера, повара и доктора Боткина, над которыми смерть уже занесла свою косу, станут первыми, кого мы вытащим из кровавой мясорубки Гражданской войны. А знаете ли вы, каков был результат неумного желания красных и белых помахать шашками? Двадцать миллионов русских людей убитыми. И среди них многие хорошо знакомые вам люди. А также два миллиона навсегда эмигрировавших, как говорится, в страны дальнего зарубежья. Между прочим, включая и вас лично.

Он смерил собеседника взглядом и на несколько секунд замолчал, глядя в окно. Затем продолжил:

– Сейчас мы видим свою задачу в том, чтобы затоптать все искры братоубийственной войны и перейти к обустройству России. Ибо состояние дел в российской провинции небрежением последнего царя достигло катастрофического уровня. Нищета, голод, болезни, младенческая смертность такая, что в возрасте до года умирают двое из трех новорожденных. А наркомат – министерство – здравоохранения впервые появился только в правительстве товарища Сталина. А до этого всем было наплевать, чем болеют и отчего умирают русские люди. Так что спасаем мы этих, в общем-то, никчемных, исторических персонажей не из жалости. Нет, этот шаг сугубо политический, и он должен показать всем, что проскрипционных списков и массовой резни не будет. Конечно, многие деятели предыдущих режимов и люди из их окружения, по нашим понятиям, совершили государственные преступления. Например, деятели из Военно-промышленного комитета, проворачивавшие во время войны многомиллионные мошеннические контракты на поставку оружия и снаряжения, или Великий Князь Николай Николаевич-младший, подчинивший русскую армию французскому генеральному штабу. За каждое из этих деяний заплатили кровью сотни тысяч и миллионы русских солдат, и будет справедливо, если после открытого гласного процесса этих деятелей приговорят к заслуженному наказанию. А если в присяжные посадить безутешных вдов и сирот, родителей, потерявших на фронте своих детей, безруких и безногих инвалидов – то этим кадрам не поможет ни один адвокат. Если есть преступление, за него должно быть и наказание.

– Я подумаю над вашими словами, господин поручик, – сказал контр-адмирал. – А теперь позвольте откланяться… – Пилкин чуть заметно улыбнулся. – И спасибо вам за познавательную беседу.

15 (2) октября 1917 года. 18:45. Могилев. Ставка Главковерха.

Полковник Бережной и генерал Бонч-Бруевич.

Генерал-лейтенант Николай Николаевич Духонин смотрел на прибывших представителей нового правительства России усталыми, красными от бессонницы глазами.

– Итак, господа, что вы от меня хотите? – тихим, словно плачущим голосом, спросил он у них. – Я, в конце концов, не тюремщик, и не мне решать, как поступить с генералами, арестованными по решению предыдущего правительства. А у меня и своих забот хватает… Вы ведь, Михаил Дмитриевич, сами совсем недавно исполняли обязанности командующего фронтом, и знаете, в каком плачевном состоянии находится дисциплина в войсках. Причем не только среди нижних чинов. Многие офицеры позабыли о своих прямых обязанностях, и несут службу спустя рукава. Ума не приложу, как можно командовать фронтом в таких условиях. Ведь достаточно одного нажима германцев – и все побегут как зайцы. Воевать никто не хочет.

– Я прекрасно понимаю вас, Николай Николаевич, – тихо сказал генерал Бонч-Бруевич, – но ведь нельзя опускать руки. Россия должна выйти из этой проклятой войны, но так, чтобы не потерять лицо и территории. Новое правительство большевиков рассчитывает, что ему удастся заключить мир с кайзером именно на таких условиях.

– Чтобы заключить почетный мир, Михаил Дмитриевич, надо добиться хотя бы нескольких крупных побед над германцами, – ответил Духонин. – А мы пока ничем таким похвастаться не можем. Так что новому правительству будет очень трудно вести переговоры с командованием германских вооруженных сил.

– Николай Николаевич, – вмешался в разговор полковник Бережной, – не все так плохо. Вы, наверное, еще не знаете, что несколько дней назад при попытке высадиться на острове Эзель был наголову разгромлен германский десантный корпус. Если исходить из его штатной численности в двадцать шесть тысяч штыков, и вычесть одну тысячу сто пятнадцать пленных, то можно сделать вывод, что это германское соединение было практически полностью уничтожено. Кроме того, германский флот потерял там же несколько крупных кораблей, включая линейный крейсер «Мольтке» и несколько новейших легких крейсеров типа «Кенигсберг II». В настоящий момент железнодорожные узлы противника на восточном направлении и его военно-морские базы на Балтике подвергаются бомбардировкам с воздуха. По сообщениям нашей воздушной разведки, восточнее Одера разрушены все железнодорожные мосты через реки Висла, Неман, Сан… Инфраструктура снабжения немецких войск нарушена, и противник уже испытывает на фронте нехватку боеприпасов и продовольствия.

– Все именно так, Николай Николаевич, – подтвердил генерал Бонч-Бруевич, – полковник Бережной сам принимал участие разгроме германского десанта на

Эзеле.

– Вот даже как?! – генерал Духонин удивленно приподнял одну бровь. – Так вы, господин полковник – простите, не знаю вашего имени-отчества – из той самой неизвестно откуда взявшейся эскадры, о которой и до нас уже дошли слухи? Как же вам удалось победить германский флот? Ведь перед вами был сильный и опасный противник…

– Господин генерал, – козырнул полковник Бережной, – позвольте представиться: полковник Сил Специального Назначения Главного Разведывательного Управления Главного Штаба Бережной Вячеслав Николаевич… И Михаил Дмитриевич мне сильно польстил. Главными в том деле были моряки во главе с контр-адмиралом Виктором Сергеевичем Ларионовым. А секрет победы, скажу я вам, был прост: командующий отдал взвешенный и абсолютно верный приказ, а его подчиненные – от командиров кораблей до последнего матроса – выполнили его распоряжение безукоризненно и с полной самоотдачей. Кроме того, наша боевая техника была сильнее германской, а наши бойцы были лучше подготовлены, чем немецкие моряки и десантники. Вот и получилось, что это не они были опасны для нас, но мы для них.

– Вячеслав Николаевич, – вздохнул Духонин, – к сожалению, не всегда успех сражения заключается в технике и подготовке. Сейчас, в отличие от 1915 года, у нас достаточно и оружия, и боеприпасов. И люди научились воевать. Вот только не хотят они это делать. Моральный дух в войсках крайне низкий. Дело доходит до братания с германцами.

– Мы прекрасно знаем, что происходит у вас на фронте, Николай Николаевич, – сказал генерал Бонч-Бруевич, – поэтому мы и считаем, что мир нужен, и чем быстрее, тем лучше. Четвертая волна мобилизации была уже явной ошибкой. Кроме того, нам необходимо забрать с собой в Петроград тех господ генералов, которые во главе с бывшим главковерхом Лавром Георгиевичем Корниловым попытались летом выступить против правительства Керенского. Требуется тщательно разобраться, что подвигло их на мятеж против законной власти. Одно дело, если это был просто необдуманный поступок офицера-патриота, желающего восстановить дисциплину и порядок в войсках… а если что-то другое – например, попытка установить военную диктатуру? К тому же во всем происходящем замечены следы и иностранной агентуры…

– Я не думаю, чтобы офицеры или генералы из окружения генерала Корнилова были связаны с германской разведкой, – осторожно сказал Духонин.

– Николай Николаевич, кроме германской, в мире существуют и другие разведки, – ответил ему полковник Бережной. – Наши «союзники» по Антанте давно активно вмешиваются во внутренние дела России. И чем дальше, тем бесцеремонней. Они уже поделили нашу страну на сферы влияния, словно какую-то африканскую колонию. Господин генерал, мне ли вам рассказывать об этом – ведь вы в свое время тоже курировали вопросы разведки, и кое-что знаете о том, что собой представляют наши «союзники»… А насчет генерала Корнилова – так британский след в его авантюре просматривается весьма зримо. Впрочем, чтобы выяснить все обстоятельства этого дела, нам и нужно побеседовать со всеми его фигурантами.

– Да, Николай Николаевич, – вступил в разговор генерал Бонч-Бруевич, – я попрошу выдать предписание на перевод всех арестованных, содержащихся в Быховской тюрьме, в Петроград.

– Господа, – развел руками генерал Духонин, – я, как человек военный и привыкший выполнять приказы, готов отдать соответствующее предписание. Только мне хотелось бы получить от вас обещание, что разбирательство с арестованными генералами будет беспристрастным и справедливым. И что невиновные не будут подвергнуты самосуду толпы.

– Обещаем, – кратко ответил за всех полковник Бережной. – Самосуд исключен. Всех, чья вина в мятеже незначительна, отпустят на свободу под честное слово и условный приговор. И, скорее всего, что всем им дадут возможность и дальше продолжить службу в рядах Русской армии.

Генерал Духонин сел за стол и собственноручно написал документ, согласно которому все «быховские сидельцы» передавались в распоряжение представителей власти господина (товарища?) Сталина. В нем значились: бывший Главковерх, генерал от инфантерии Лавр Георгиевич Корнилов, бывший командующий Юго-Западным фронтом, генерал-лейтенант Антон Иванович Деникин, командующий 1-й армией Юго-Западного фронта, генерал-лейтенант Глеб Михайлович Ванновский, командующий Особой армией Юго-Западного фронта, генерал от кавалерии Иван Георгиевич Эрдели, начальник Штаба Главковерха, генерал-лейтенант Александр Сергеевич Лукомский, генерал-квартирмейстер Штаба Главковерха генерал-майор Иван Павлович Романовский,

начальник штаба Юго-Западного фронта генерал-лейтенант Сергей Леонидович Марков.

Всех их надлежало забрать из тюрьмы города Быхов. Сделать это было не так-то просто. Дело в том, что добровольную охрану тюрьмы взяли на себя джигиты Текинского конного полка. Они были фанатично преданы генералу Корнилову, и в Быхове, скорее, охраняли сидельцев от самосуда, чем стерегли их. Они же могли воспрепятствовать перевозке арестованных до вокзала в Могилеве, оказав вооруженное сопротивление.

Получив нужную бумагу от генерала Духонина, Бонч-Бруевич и Бережной отправились на станцию, где уже заканчивалась разгрузка их спецэшелона. Чтобы минимизировать потери, надо было заранее обсудить все детали операции.

15 (2) октября 1917 года. 22:00. Могилев. Ставка Главковерха.

Полковник Бережной.

Пока я и Бонч-Бруевич беседовали с генералом Духониным, пока получили от него предписание на перевод арестованных генералов в Петроград, пока закончили разгрузку нашей военной техники, стало совсем темно. Не могло быть и речи о ночном движении из Могилева до Быхова. Как-никак, расстояние между этими городами было примерно сто верст. Разбитые грунтовые дороги и мосты, дышащие на ладан, могли стать для нас серьезным препятствием. Поэтому мы решили переночевать в Могилеве, а утром, едва начнет светать, отправиться в Быхов.

Но не успели мы решить, что нам делать, как на станции появился трескучий легковой «Рено» с адъютантом Главковерха – он передал приглашение генерала Духонина составить ему компанию за ужином. Мы с Михаилом Дмитриевичем решили не отказываться от местного гостеприимства.

За столом разговор крутился в основном вокруг событий, происходящих в Петрограде, и планов нового правительства на продолжение боевых действий на германском фронте. Бонч-Бруевич больше отмалчивался, а я по-военному коротко сообщил генералу Духонину, что мы не собираемся заканчивать войну в Берлине, но постараемся свести на западном направлении территориальные

потери России к минимуму. Зато, назло нашим так называемым «союзникам» по Антанте, вполне возможны значительные территориальные приращения на южном направлении – уже после того, как практически разбитая нами Турция будет окончательно выведена из войны.

– Вячеслав Николаевич, говоря о приращениях на южном направлении, вы имеете в виду захват Константинополя и Проливов? – осторожно спросил Духонин.

– Возможны варианты, – так же осторожно ответил я, – во всяком случае, мы рассчитываем решить, наконец, этот проклятый для нас вопрос с Проливами и превратить Черное море в безопасное для плавания русских коммерческих судов внутреннее море. Кроме того, господин генерал, не забывайте о таких жемчужинах в султанской короне, как Западная (или Великая) Армения, Сирия и Палестина… Османская империя все равно не переживет окончания этой войны – так почему бы не воспользоваться этой их слабостью?

– Интересно-интересно… – задумчиво сказал Духонин, – впрочем, я давно уже ничему не удивляюсь. Время, знаете ли, господа, сейчас такое, что может произойти все, что угодно…

Уже в конце ужина я осторожно поинтересовался у генерала, не придется ли нам силой забирать арестованных генералов из места их заключения. Ведь текинцы преданы лично Корнилову, и готовы защищать его от любого, кто посягнет на его жизнь. Духонин немного подумал, вздохнул и еще раз переспросил, нет ли угрозы жизни арестованным. После нашего с генералом Бонч-Бруевичем повторного ответа, что поездка в Петроград только отвратит генерала Корнилова и его товарищей от новых необдуманных поступков, генерал Духонин предложил послать вместе с нами в Быхов офицера, который ранее был командиром одной из сотен в Текинском конном полку. Уж ему-то они поверят.

– Вы ведь не намерены разоружать полк? – осторожно спросил Духонин.

Я еще раз ответил ему, что таких намерений у нас нет, и конное подразделение этих отменных кавалеристов сможет еще не раз поучаствовать в грядущих сражениях. Кроме того, наша цель – не наказать этих авторитетных в армии военачальников, а предупредить, чтобы они в дальнейшем не делали глупостей,

которые, как известно, порой хуже преступления.

16 (3) октября 1917 года. 09:30. Быхов.

Полковник Бережной.

Ночь прошла спокойно, совсем без приключений. Поутру, едва на востоке небо начало светлеть, был объявлен подъем, и личный состав команды стал готовиться к маршу.

В путь мы двинулись около семи утра. Взревели моторы «Тигра» и БТРов, и наши машины выкатились на дорогу. Вместе со мной и генералом Бонч-Бруевичем в головном «Тигре» в Быхов следовал штаб-ротмистр Раевский. Он находился в командировке в Могилеве для решения каких-то интендантских вопросов, и был рад вместе с нами доехать до места дислокации его полка.

– Господа, – словоохотливо рассказывал нам штабс-ротмистр, – мои джигиты – прирожденные наездники. Если бы вы видели, как они сидят в седле! Как влитые! А храбры они, как черти… В ноябре 1914 года под Ловичем они в капусту изрубили батальон немецких гренадер. Германцы просто оторопели при виде кавалеристов в громадных папахах и халатах, с кривыми саблями. Они были похожи на воинство Чингисхана. Дикие на вид, смуглые, на стройных и сухих лошадях, на седлах с круглыми чепраками красного цвета, вышитыми яркими шелками… Просто сказочное зрелище…

– Наверное, и вне боя они ведут себя как татаро-монголы? – спросил я. – Грабят, небось, всех подряд?

– А вот и нет, господин полковник, – с улыбкой сказал штабс-ротмистр Раевский. – Никаких грабежей. Они охотно покупают у местного населения продукты, и аккуратно до педантизма со всеми расплачиваются. Текинцы привезли с собой запасных коней, палатки из ковров – словом, приехали на войну, как на праздник…

– А как насчет настроений в полку? – спросил я. – Наверное, им война тоже поднадоела?

– Надоела, – согласился штаб-ротмистр, – но служат они исправно, и разложению не подвержены. Они полностью доверяют своим командирам, независимо от их происхождения. Своим, естественно, больше, но и нам, русским, тоже. Знаете, как они нас называют, господин полковник? – Раевский улыбнулся. – Мы для них «бояре». А больше всех они доверяют генералу Лавру Георгиевичу Корнилову. За него они пойдут и в огонь, и в воду.

«То-то и оно, – подумал я, – все будет зависеть от поведения господина Корнилова. А он известен своим упрямством. Скажет текинцам, что его хотят увезти в Петроград на расправу – и начнется веселуха! Пострелять-то мы их постреляем – для пули, выпущенной из КПВТ, любое ранение смертельное. Но как не хочется губить столько совсем неплохого народа из-за упрямства этого «льва с головой барана»!»

Быхов появился на горизонте внезапно. Да и городом его можно было лишь условно – обычное местечко, только очень большое. Население – чуть больше десяти тысяч человек, из всех достопримечательностей – замок, построенный гетманом Ходкевичем и перестроенный магнатом Львом Сапегой, да старинная синагога – массивное здание с двухметровой толщины стенами.

Вот и здание местной тюрьмы. Ранее в нем находилась женская гимназия. Довольно скромный двухэтажный дом, с маленькими оконцами, забранными решетками.

А вскоре мы увидели и текинцев. Вокруг наших машин на конях удивительной красоты крутились всадники, выглядевшие на фоне маленького городишка черты оседлости весьма экзотически. Одеты они были в малиновые шаровары, поверх пояса намотан шелковый малиновый кушак, нож-бичак весь в серебре и золоте. На поясной портупее у каждого всадника висела кривая сабля-клыч, тоже вся изукрашенная серебром-золотом и часто цветными каменьями. Серебром и золотом же были отделаны и нагрудники и налобники на знаменитых текинских жеребцах. На голове текинцы носили огромные папахи – «телпеки». Сделаны они были из шкуры целого барана, и скручены в виде цилиндра. Не всякая голова могла выносить такую тяжесть. Штаб-ротмистр Раевский пояснил, что русским офицерам, которые были одеты в ту же форму, что и их подчиненные, приходилось долго привыкать к подобным головным уборам.

Наш караван подрулил к зданию тюрьмы. По всей видимости, генерал Духонин уже успел сообщить в Быхов о нашем визите – и арестованные генералы, настороженно поглядывая на нас, собрались в садике, примыкавшем к зданию тюрьмы.

Когда первым из нашего «Тигра» на свет Божий выбрался штаб-ротмистр Раевский, текинцы, которые поначалу настороженно поглядывали на наши машины, радостно завопили. И напряжение спало. Подъехавший к нам офицер-туркмен, представившийся командиром эскадрона ротмистром Ораз-Сердаром, поприветствовал меня и, с уважением поглядывая на ствол пулемета, установленного на «Тигре», сообщил, что он и его сослуживцы рады будут видеть у себя в гостях великих воинов, прославивших свое имя в сражениях с неприятелем. Я поблагодарил его по-туркменски (кое-что помню со времен службы в Афгане), чем привел ротмистра в полный восторг.

Но я объяснил ему, что гостем его я стану лишь после того, как улажу все дела, ради которых и приехал сюда из Петрограда. И заодно расскажу о том, что произошло за последние несколько дней в столице бывшей Российской империи.

Ораз-Сердар почтительно приложил правую руку к груди, легко взлетел на своего ахалтекинца, и словно вихрь помчался по улице, распугивая согбенные фигуры местных жителей, большей частью одетых в лапсердаки и ермолки.

А мы с генералом Бонч-Бруевичем направился в сторону тюремного дворика. При нашем приближении генералы-сидельцы прервали свою оживленную беседу и, как по команде, развернулись в нашу сторону. Так реагирует на угрозу стая волков. Но ничего, мы тоже не овцы. Я узнал многих из них по фотографиям. Вот круглолицый и коренастый Антон Иванович Деникин, а вот – маленький и худощавый Сергей Леонидович Марков, с бородкой и усиками а-ля Генрих IV. А вот и их неформальный лидер – сам Лавр Георгиевич Корнилов, скуластый, с неподвижным равнодушным лицом, словно статуя Будды. Похоже, что разговаривать с нами будет именно он. И мы не ошиблись.

– Здравствуйте, господа, – первым поздоровался с ними Михаил Дмитриевич, – вас, наверное, уже проинформировали о цели нашего приезда?

– Здравствуйте и вы, господин генерал, – резким неприятным голосом ответил на приветствие Корнилов. – Вы при новом правительстве в тюремные

надзиратели записались? А это кто с вами, наш конвоир или палач?

Я с трудом сдержал смех. «Баран – он и в Быхове баран, – подумал я, – точно его современники в мемуарах описали. Как увидел новые ворота – сразу бодает. Обижаться на такого бессмысленно, лучше поддеть, вот так…»

– Лавр Георгиевич, – сказал я, лениво-равнодушным тоном человека, сознающего свою силу, – первый признак воспитанного человека – это умение вести себя в обществе. И особенно с незнакомцами. А то ведь может выйти очень нехорошо. Вы согласны с этим?

Услышав это, Корнилов побагровел от злости, но, видимо, поняв, что действительно повел себя не лучшим образом, резко сбавил обороты.

– Извините, но я не знаю, с кем имею честь говорить, – уже спокойным тоном сказал он. – Насколько я понял, вы, господин полковник – я правильно называю ваш чин? – являетесь кем-то вроде комиссара нового правительства господ большевиков?

– Вы ошиблись, Лавр Георгиевич, – ответил я, – мой род занятий несколько иной. Если вам нужен комиссар, то сразу бы предупреждали – был бы вам комиссар. Я же полковник сил специального назначения главного разведывательного управления главного штаба, боевой офицер военной разведки. Несколькими днями ранее я принимал участие в сражении у острова Эзель, где нашим частям, совместно с флотом, удалось почти полностью уничтожить германский десантный корпус. Кроме того, моряки записали на свой счет линейный крейсер «Мольтке», несколько легких крейсеров типа «Кенигсберг II» и кучу тральной десантной мелочи. Результатом этого побоища стало то, что германские линкоры покинули Балтику, направившись в базы Северного моря и полностью оголив приморский фланг немецких армий. Надеюсь, что информация о сражении в Рижском заливе дошла до вашего казенного дома?

Генералы переглянулись. Кривые ухмылки с их лиц куда-то исчезли. Деникин смотрел на меня с уважением, а Марков – с нескрываемым интересом.

– Господа, – продолжил я, – вместо того, чтобы упражняться в остроумии, я бы хотел поговорить с вами о вещах более серьезных. Вы, как я полагаю, своим августовским демаршем не хотели России ничего плохого, а всего лишь

стремились к восстановлению порядка и дисциплины. А потому и сейчас вы не собираетесь в отставку, а намерены продолжить службу в рядах Русской армии, не так ли? Мы с вами еще поговорим и про новый порядок, и про источник нашего российского хаоса. Я не требую от вас немедленного ответа. Вот, почитайте и подумайте… – Я протянул «быховским сидельцам» несколько номеров спецвыпуска «Рабочего пути». – А вы, Сергей Леонидович, пожалуйста, посмотрите вот на это, – вслед за газетами я передал генералу Маркову (в свое время он был кем-то вроде моего коллеги, тоже работал в военной разведке), пачку фотографий, на которых были запечатлена наша военная техника и морские пехотинцы «в полном боевом»… – Посмотрите, господа, почитайте, подумайте… А мы снова встретимся с вами часика через два…

Два часа спустя, там же, полковник Бережной.

Два часа, прошедшие после первого свидания с генералами, я потратил на оформление бумаг и прочие бюрократические процедуры. Ну и на беседу с Михаилом Дмитриевичем Бонч-Бруевичем – мы с ним оговорили тактику обработки мятежных генералов. Можно было, конечно, применить к ним грубую силу, но после обсуждения этого момента мы пришли к выводу, что тогда они будут потеряны для нас, так как люди их звания и воспитания не забудут подобного унижения.

Ровно в полдень мы снова вернулись в тюремный садик, где нас уже с нетерпением ожидали арестанты в генеральских шинелях. Судя по выражению их лиц, в их рядах царили «разброд и шатания», а значит, прочитанное в газете и увиденное на фотографиях весьма впечатлило господ бывших военачальников. Или не бывших – это как карта ляжет.

Кроме того, я не заметил у них того единодушия, с каким они встретили нас утром. Похоже, что сейчас уже не все из них разделяли убеждения Корнилова, который был готов в штыки встретить все сделанное и предложенное новой властью.

– Еще раз здравствуйте, господа, – обратился я к генералам, – не буду ни о чем вас спрашивать… А вот на все ваши вопросы отвечу, кроме, естественно, тех, которые являются государственной и военной тайной…

Первым вопрос задал генерал Деникин:

– Вячеслав Николаевич, как артиллерист я был крайне удивлен меткости орудий кораблей эскадры адмирала Ларионова, которые обстреливали вражеский десант и германские корабли. По всей видимости, вы применяли какие-то новые приборы для наведения орудий и определения дистанции до цели? Не могли бы вы о них рассказать?

– Антон Иванович, – ответил я, – эскадра контр-адмирала Ларионова не выпустила по немцам ни единого снаряда. По причине дистанций, многократно превышающих дальности стрельбы орудий. Удар по германским кораблям был нанесен высокоточными противокорабельными ракетными снарядами – своего рода развитие идей, высказанных еще генералом Засядько сто лет назад. Вы видели линейный крейсер «Мольтке», разбитый всего двумя попавшими в него подобными снарядами?

Тот удивленно посмотрел на меня, а потом кивнул головой.

– А когда, господа генералы, немецкий флот оказался приведенным к состояния «шока и трепета», – продолжил я, – на месте событий появились летательные аппараты вертикального взлета и устроили побоище десантной флотилии. – Я выбрал из пачки несколько фотографий. – Вот, посмотрите.

– Каракатица какая-то… – со скепсисом сказал Антон Иванович, рассматривая фото Ка-29. – И как, позвольте вас спросить, она летает с винтом сверху, а не спереди или сзади, как у приличных аэропланов?

– Наклон винта создает тягу вперед, вбок или назад по желанию пилота, – пояснил я. – Эта «каракатица», как вы изволили ее назвать, несет до ста двадцати пудов различного вооружения, включая ракетные снаряды малого калибра и тридцатипудовые авиабомбы, – генералы невольно открыли рты, – и по скорости превосходит лучшие современные аэропланы раза в два.

Сказав это, я прикусил язык. Ну, кто, елы-палы, меня тянул за язык? Сказал вот слово «современные», а не «лучшие иностранные». Но, как говорится, слово не воробей… Надо впредь следить за собой…

И я продолжил:

– А вы знаете, уважаемый Антон Иванович, это самая «каракатицы» так впечатлили уцелевших германских солдат, что они прозвали их «мясниками» и «ангелами смерти». А вы говорите, «каракатица»… Вон, спросите у Михаила Дмитриевича, – я повернулся в сторону внимательно слушавшего нашу беседу генералу Бонч-Бруевичу, – ему уже довелось полетать в качестве пассажира на таком вот вертолете.

Тот подтвердил:

– Да, господа. Все, что сказал сейчас полковник Бережной – истинная правда. Мне действительно довелось совершить перелет из Петрограда на флагманский корабль адмирала Ларионова. Скажу лишь одно: поражение Германии – теперь лишь вопрос времени.

– Сдаюсь, сдаюсь, Михаил Дмитриевич, – улыбнулся Деникин, шутливо поднимая руки, – сто двадцать пудов бомб – это и в самом деле серьезно. А сколько, позвольте узнать, аппаратов участвовало в операции?

– Шестнадцать, – сказал я, – восемь ударных и восемь вооруженных транспортных. Именно высадившись с такого аппарата на полузатопленный линейный крейсер «Мольтке», мои люди взяли в плен командующего немецкой эскадрой адмирала Шмидта и все руководство 26-го пехотного корпуса…

– Эх, если бы такие аппараты были у меня в Карпатах в 1915 году… – с горечью сказал Деникин, – тогда моим «железным стрелкам» не пришлось бы класть головы под огнем австрияков. Тридцатипудовые бомбы – подумать только! Мы бы могли просто разметать их всех и двигаться походным маршем на Будапешт и Вену.

Я кивнул, и тут в беседу вступил генерал Марков:

– А позвольте вас спросить, господин полковник, где были изготовлены столь замечательные аппараты?

– Господин генерал, – чуть заметно улыбнулся я, – не задавайте мне неудобных вопросов, и вы не получите лукавых ответов. Скажу только одно – информация о том, где и когда изготовлена наша военная техника, является величайшей военной тайной России. Как-то так!

Тот оделил меня серьезно-задумчивым взглядом.

– Вообще-то по образованию я тоже артиллерист, как и Антон Иванович, в свое время мне довелось закончить Константиновское артиллерийское училище, но по роду службы мне больше приходилось заниматься другими вопросами…

Тут я понимающе кивнул, показав Маркову, что мне известна его работа в русской разведке.

– Так вот, Вячеслав Николаевич, я никогда не видел ничего подобного. Хотя информация о новых, пусть даже опытных образцах боевой техники, появившейся в армиях мира, к нам поступала своевременно… А тут вы со своими «неудобными вопросами». Не знаю, не знаю… – Он покачал головой.

Вопрос опять, что называется, с подвохом. Сказать правду я, естественно, не мог, а потому лишь развел руками, показывая, что раскрыть эту тайну перед господами генералами не в моей власти.

– Господа, о происхождении нашей боевой техники я в данный момент ничего вам сказать не могу. Еще раз повторю то, что вы прекрасно понимаете и без меня: подобные образцы вооружения, как правильно сказал Сергей Леонидович, являются уникальными, а потому секретными. Я и так проявил к вам доверие, дав ознакомиться с фотографиями этой техники. Надеюсь, что никто из вас не побежит рассказывать об увиденном здесь представителям иностранных держав? Ведь у России есть только два настоящих союзник: ее же собственные армия и флот. И бывший государь, забыв об этом, подвел страну к краю пропасти. – Произнося последние слова, я посмотрел в глаза генералу Корнилову. Тот, не выдержав моего взгляда, отвернулся.

– Гм, господин полковник… – задумчиво сказал генерал Деникин, – ей-Богу, я уже внутренне готов продолжить службу в вашей армии. Надеюсь, что она не опозорит себя борьбой со своим же народом?

– Антон Иванович, нет никакой «вашей и «нашей» армии, – ответил я. – Все мы – солдаты России, желающие ее защитить. И вообще, нет необходимости повторять печальный опыт императорской армии, которая лет десять назад разъезжала по русским деревням и селам, занималась поркой крестьян и

«скорострельно» приговаривала «врагов внутренних» к смерти. Русской армии с лихвой хватит врагов внешних. Ведь война с германцами еще не закончилась, да и германцы – не самые опасные из наших врагов…

– А скажите, господин большевик-полковник, – заговорил, наконец, генерал Корнилов, – не вы ли хотели превратить войну империалистическую в войну гражданскую и замириться с германцами?

– Нет, не мы, – сказал я твердо, – мы категорически против гражданской войны как таковой, считая ее самым страшным бедствием для государства. С этим вопросом вам надо обратиться к господину-товарищу Троцкому, который за подобные взгляды оставлен в новом правительстве без места. – Я обвел господ генералов внимательным взглядом. – А с германцами нам мириться все равно придется. Ни одна война не может продолжаться вечно. И при заключении мирного соглашения важен только один вопрос: на каких условиях?

– Но вы же, большевики, настаиваете на мире без аннексий и контрибуций, – не унимался Корнилов.

– Лавр Георгиевич, – ответил я, – скажем честно, наша армия сейчас совсем не в том состоянии, чтобы что-нибудь аннексировать и требовать контрибуций. Союзники же уже разделили Россию на сферы влияния, как какую-нибудь африканское королевство. Они ждут не дождутся, когда смута в России достигнет такого предела, когда можно будет беспрепятственно приступить к колонизации наших территорий. Вам, Сергей Леонидович, по роду своей деятельности следует знать о планах наших уважаемых союзников…

Генерал Марков зыркнул глазами на Корнилова и мрачно кивнул, подтверждая сказанное мною.

– Кроме того, – продолжил я, – не стоит путать лозунги и условия мирного договора, публичную политику и дипломатию. Все хорошо в меру. Государство должно уметь отстаивать свои интересы. Вооруженной силой на войне и дипломатией в мирное время. Иногда хороший дипломат стоит пары-тройки армий. Впрочем, давайте оставим дипломатию нашим дипломатам – у них своя работа, у нас своя. Как военные, мы должны думать сейчас о том, чтобы нанести неприятелю такое поражение, после которого он поймет, что лучший для него выход – пойти на мировую.

– А как же наши союзники по Антанте? – спросил неугомонный Корнилов. – Ведь сепаратный мир с Германией, какой бы он ни был выгодный для нас, покроет наше Отечество позором предательства.

– Господин генерал! – я, сам не желая того, повысил голос. – Меня прежде всего интересует выгода и польза для России! А если союзники, которые всю войну только тем и занимались, что предавали нас – если хотите, я докажу вам это с помощью документов – останутся у разбитого корыта, то это их проблемы. Помните, как говорил в свое время великий Суворов, который был отнюдь не большевик: «Доброе имя есть принадлежность каждого честного человека; но я заключал доброе имя мое в славе моего Отечества, и все деяния мои клонились к его благоденствию…» Слова Александра Васильевича стали для меня девизом всей моей жизни. И поэтому обида разных там Черчиллей и Ллойд-Джорджей, Пуанкаре и Клемансо меня интересует в последнюю очередь…

Генералы слушали меня с нескрываемым одобрением. Один Корнилов остался недоволен всем мною сказанным. Но я и не рассчитывал его уболтать. Уж больно он был упертый. К тому же, похоже, англичане крепко держали его за жабры. Бог с ним, можно обойтись и без него, главное же было то, что мы теперь, похоже, без приключений доберемся до Питера. Как бы Корнилов ни относился к новой власти, на конфронтацию со своими бывшими сокамерниками он вряд ли пойдет…

Окончательно определившиеся со своей позицией генералы засыпали меня вопросами чисто практического свойства: как, какими силами, на какую глубину, сколько орудий и какого калибра на одну версту фронта…

Короче говоря, мой разговор с ними продолжался до обеда. Генералы ушли в здание тюрьмы, а я стал организовывать перевозку сидельцев до станции в Могилеве. Тут надо было предусмотреть многое. В том числе и провокации со стороны упертого Корнилова. За ним нужен был особый присмотр. На всякий случай генералу нужно будет сделать укол или дать выпить чего-нибудь «релаксирующего», чтобы он погрузился в нирвану и смирнехонько вел себя до самого Петрограда.

Текинцам же я обещал навестить их вечерком, чтобы вместе поесть наваристой шурпы и ядреного плова с перцем. Заодно поговорить с джигитами насчет продолжения дальнейшей службы в составе русской армии. Кавалерия нам нужна, ведь война продолжалась, и до формирования крупных кавалерийских

соединений, вроде знаменитой 1-й конной армии, было еще далеко.

Кстати, Семен Михайлович находится где-то в этих краях. Кавказская кавалерийская дивизия, в которой служит полный георгиевский кавалер и председатель полкового комитета вахмистр Буденный, стояла, если мне память не изменяет, в Орше. Надо бы позвонить в Могилев и переговорить с генералом Духониным. Попросить откомандировать вахмистра Буденного в наше распоряжение….

16 (03) октября 1917 года, Полдень. Петроград, песчаный карьер у Фарфоровского поста.

Начальник штаба сводной бригады Красной гвардии майор Юдин, комиссар бригады Михаил Калинин, Председатель Совнаркома Иосиф Сталин, Главком Михаил Фрунзе.

По заброшенному пустырю, вдоль и поперек изрытому саперами, с лязгом и рычанием ползли странные и невиданные доселе боевые машины. Летела из-под гусениц влажная земля, редкие пехотные цепи группировались сзади и сбоку надвигающихся на «вражеские» позиции железных монстров. Установленные на флангах «максимы» били короткими очередями поверх голов, наполняя воздух нежным посвистыванием пролетающих пуль. Красногвардейцы, в желто-зеленых балахонах, наброшенных поверх своей обычной одежды, бежали вслед за танками, время от времени по команде залегая и открывая стрельбу из трехлинеек. Когда один взвод залегал, другой в это время броском преодолевал расстояние для следующего рубежа.

За учения с окраины поселка Волково наблюдало несколько человек. Среди них были председатель Совнаркома Сталин, Наркомвоенмор и новый Главком Фрунзе, а также командование самой бригады. Полковника Бережного, отправившегося в командировку в Могилев, заменял начштаба майор Юдин, а местный контингент представлял комиссар бригады Михаил Иванович Калинин. Особенно внимательно за ходом учений наблюдал в бинокль Михаил Васильевич Фрунзе.

Неподалеку от высоких гостей за тренировками бригады Красной Гвардии наблюдали немолодые степенные станичники. Бинокль, взятый с боя у убитого германского офицера, был один на всех, поэтому и на «поле боя» станичники

смотрели с его помощью по очереди. Интерес их к происходящему был более чем профессиональным. Каждый из них успел повоевать без малого три года. Они наступали в Мазурских болотах и в Галиции в четырнадцатом, отступали из Польши в пятнадцатом, совершали вместе с Брусиловым его знаменитый прорыв в шестнадцатом.

Но нигде и никогда ранее они не видели ничего подобного. Двое казаков, посланных вчера на это самое место «полюбопытствовать», вернулись в полном восторге, рассказывая совершенно невероятные вещи. И сегодня сюда прибыла для перепроверки представительная делегация, которой казаки доверяли полностью. По сути дела, для сынов Тихого Дона стоял вопрос: с кем быть во время нынешней заварухи? Даже самому наивному было понятно, что выбор невелик – реальную силу в Петрограде сейчас представляли две группировки большевиков. Это «старые большевики» Свердлова и Троцкого, и «новые большевики» Сталина, Ленина и Дзержинского. Свердлов и Троцкий в союзники казакам после всего услышанного в ту ночь не годились. Правильно сказали тогда таинственные земляки-станичники – ЭТИ за ломаный грош продадут, как Иуда Искариот Спасителя. Значит, надо или договариваться со Сталиным, или плюнуть на все и любыми правдами и неправдами пробиваться домой, в свои родные станицы. Ошибка в выборе могла дорого обойтись. Вот и смотрели казаки в оба, мотая все увиденное на ус.

А там, под мелким моросящим дождем, сначала танки, а потом и пехотная цепь перевалили через линию окопов. При этом шагов с тридцати в траншеи градом полетели предметы, издали напоминающие ручные гранаты, а потом часть бойцов, вооруженная оружием более коротким, чем винтовка Мосина, спрыгнула на дно окопов, чтобы вести «зачистку», а остальные продолжили свой путь дальше ко второй траншее в глубине обороны противника. Словом, все как обычно.

Эти тренировки начались с первого дня существования бригады, когда отряды рабочей Красной Гвардии влили в состав рот, невесть откуда появившихся бойцов, именуемых морскими пехотинцами. Сначала казалось, что из этого ничего не выйдет – уж больно настороженно относились друг к другу новые однополчане. Но потом все довольно быстро срослось. Боевой наукой пришельцы делились щедро, за урок спрашивали строго, а их унтера-сержанты хоть иногда и говорили неизвестные даже рабочим матерные слова, но никогда не распускали рук. И вообще, ругались не по злобе, а для быстроты обучения.

Нельзя сказать, что красногвардейцы вообще не имели боевого опыта. В августе они готовились отражать поход Корнилова на Петроград, и, кроме того, многие из рабочих постарше успели поучаствовать в отгремевшей тринадцать лет назад Русско-Японской войне. Были в бригаде бойцы, которым довелось оборонять Порт-Артур, драться на реке Шахе, участвовать в сражениях при Ляоляне и Мукдене.

Все, учебное «сражение» закончилось, танки и БМП повернули к исходным позициям, по пути подбирая на броню морских пехотинцев и красногвардейцев. Места, конечно, хватало далеко не всем, так что некоторые бойцы продолжали идти пешком, беззлобно поругивая устроившихся на броне счастливчиков. А на дороге со стороны Александровской слободы уже показались два крытых грузовика походно-полевой кухни. Тут уже зашевелились даже самые ленивые. Конечно, голодным еще никто не оставался, но и опаздывать к обеду тоже было как-то не принято.

Увидев приближающихся «кормильцев», практически одновременно тронулись со своих мест и обе группы наблюдателей. Товарищи Сталин, Фрунзе, Калинин и майор Юдин сели в поджидавший их чуть поодаль «Тигр», а казачьим авторитетам один из молодых казаков, взятый сюда в качестве коновода, подвел накрытых попонами коней. Ехали станичники молча; думы их были серьезны. Выходило, что еще неделю назад у Сталина не было ничего, кроме разрозненных и плохо обученных отрядов Красной Гвардии… А потом, дня три или четыре назад, в Петрограде появилось несколько отлично обученных, вооруженных и дисциплинированных рот с танками и бронемашинами, сразу и безоговорочно поддержавших именно Сталина. Баланс сил качнулся так резко, что Керенский, презираемый всеми, в том числе и казаками, сбежал со своего поста в добровольную отставку.

Теперь же, еще через три дня после прихода большевиков к власти, у сторонников Сталина имеется бригада почти в полторы тысячи штыков, и при этом невиданной боевой мощи. И дело тут даже не в броневиках или в танках. Красногвардейцы быстро учились, а дисциплина в бригаде была строжайшей, сравнимой только с довоенными гвардейскими полками. И хотя одна такая бригада на всю Россию – это капля в море, у других претендентов на власть не было и такой силы. К тому же, похоже, Сталин не собирался останавливаться на достигнутом, и подобных бригад вскоре будет несколько.

Не только казаки прикидывали, присоединиться или нет к «правильным» большевикам. Вон, саперы, которые по приказу своего начальства каждый день подновляли учебную «линию германской обороны», тоже шустро собрали свой шанцевый инструмент и потянулись на обед. Оно и понятно: голод не тетка. С другой стороны, сейчас каждому, кроме самых идейных, хотелось угадать, кто станет победителем в схватке за власть, и оказаться на стороне победителя.

Наблюдавшие за учениями казаки, не раз на германском фронте попадавшие под шквальный пулеметный огонь германцев, злорадно думали о вражеских пулеметчиках, на которых из утреннего тумана вместо русской кавалерии или пехоты вскоре попрут бронированные монстры, вооруженные пушками корабельных калибров. Пусть они теперь попляшут – не все коту масленица…

А пока казаки думали думу, Сталин размышлял вот о чем. Сейчас для молодого советского правительства вопрос войны и мира был наиважнейшим. Как на предмет внушения Германии скорейшего желания мира, так и с целью предотвращения дальнейшей внутренней смуты. А ведь на территории России находилось еще несколько иностранных воинских частей – вроде английского и бельгийского бронедивизионов, Чехословацкого корпуса и прочих славянских легионов. Эти точно затеют смуту безо всяких раздумий… Поэтому, взяв по большой железной миске наваристого борща и по куску хлеба, товарищи командиры отошли в сторону, где за едой продолжили начатую еще в поле беседу.

– Товарищ Сталин, – горячо убеждал председателя Совнаркома майор Юдин, – вы поймите, что Красная Гвардия должна заменить не старую русскую армию, а стать самостоятельной силой в структуре сухопутных войск. Большая численность Красной Гвардии и не нужна. Сначала надо довести ее численность до одного корпуса, а уже потом, по мере возможности, добавить еще несколько. Но это должны быть обученные и боеготовые, и наиболее надежные с политической точки зрения войска. Действительно гвардия – элита, занявшая место старой царской гвардии, потерявшей свое предназначение после падения самодержавия.

– А какое же предназначение было у царской гвардии? – поинтересовался Фрунзе, с аппетитом уминая борщ.

– В основном охрана монарха и его резиденций, гарнизонная служба в столице, ну и иногда участие в боевых действиях, – ответил майор Юдин. – Впрочем,

царским гвардионцам в свое время приходилось решать и такие деликатные вопросы, как возведение на престол или, наоборот, свержение самодержцев. Но это было в прошлом. Красная Гвардия тоже должна охранять Советскую власть от покушений как изнутри, так и снаружи, а кроме того, служить образцом и примером для обычных воинских частей.

– Хорошо, – сказал Сталин и затем произнес вполголоса: – А сейчас – т-с-с-с… у нас гости.

К обедающим подошел коренастый казак средних лет с окладистой пегой бородой и четырьмя «георгиями» на кителе. Было видно, что первые два креста были получены как бы еще не за Русско-Японскую войну.

– Здравия желаю, господа хорошие, – вежливо обратился казак к присутствующим, – Артемий Татаринов меня зовут. А кто из вас будет товарищ Сталин?

– Ну, я товарищ Сталин, – с легкой усмешкой ответил председатель Совнаркома.

– А ты не врешь? – казак подозрительно посмотрел на невысокого рыжеватого рябого человека. – Товарищ Сталин – это, наверное, он. – И станичник указал рукой на Фрунзе. – Мне односум сказал – он большой и с усами.

С трудом скрыв улыбку, все присутствующие подтвердили, что «большой и с усами» – это товарищ Фрунзе, нынешний, если можно так сказать, военный министр, а тот, кто назвался Сталиным, и в самом деле, самый главный большевик.

– Ну что, Артемий, поверишь ли ты мне теперь? – с улыбкой спросил Сталин.

– Теперь поверю, – с достоинством сказал казак-ветеран, – ты не обижайся на меня, уж как-то все сейчас непонятно и чудно. Голова кругом идет… А пришел я к вам, господа-товарищи, вот с каким делом. Тут наши казачки решили на вашу сторону перейти. Войско у вас организованное, справное, порядок виден во всем, обед хороший – значит, интендант и артельный не воруют… Да и сами вы, как я вижу, обедом из солдатского котла не брезгуете. Надо бы вам с нашей казацкой делегацией переговорить, обсудить, что к чему… Зима скоро, а зимой и волки в стаи сбиваются, а уж людям и сам Бог велел…

– Хорошо. – Сталин вытащил из кармана кожаной куртки небольшой блокнот, и сделал в нем какую-то пометку. – Завтра в десять утра приходите в Таврический дворец, там для вас уже будет выписан пропуск… Все понятно?

– Понятно, – с улыбкой сказал Артемий, – пренепременно будем.

Казак поправил фуражку и отошел к ожидающим его в стороне приятелям-станичникам.

– Ну и что у нас в остатке, товарищи? – спросил Сталин, когда казак отошел подальше.

– А имеем мы прикуп с двумя тузами, то есть казачьими полками, – ответил майор Юдин, – и хотя они еще не вполне наши, но и это уже кое-что.

17 (04) октября 1917 года, Утро. Крым, дворец Ай-Тодор

Вдовствующая императрица Мария Федоровна, Великий князь Александр Михайлович, Великие княгини Ксения и Ольга, полковник Куликовский.

Над великокняжеским дворцом Ай-Тодор уже который месяц стелилась пелена страха. Члены дома Романовых, взятые под арест большевиками из Севастопольского совета, мучились от неизвестности и мрачных предчувствий. Когда-то великая империя разваливалась на глазах. Романовы, не ожидая в будущем ничего хорошего для себя, занимались каждый своими маленькими проблемами. Никому из них не разрешалось входить во дворец или выходить из него – так же, как и из имения Дюльбер, где проживали вместе с женами Великие князья Николай Николаевич, и Петр Николаевич.

Одна лишь Великая княгиня Ольга Александровна, вышедшая замуж за простого смертного, полковника Куликовского, утратив статус небожительницы, перемещалась по ближайшим окрестностям подобно неприкаянному духу. Несмотря на крестьянское платье и грубые башмаки, ее узнавали, где бы она ни появлялась. Но и в ее жизни имелись неприятные моменты. Ее мать, вдовствующая императрица Мария Федоровна, не признавала ее мужа за ровню и никогда не приглашала его на семейные посиделки. Таково оно, сословное

общество: пусть ты полковник и «его высокоблагородие», но для коронованных особ все равно не станешь своим. Даже при том, что отец Николая Куликовского был генерал-майором Кавалергардского полка, а прадед – генералом, героем войны 1812 года. Правда, после рождения внука, первенца Ольги, сердце императрицы немного смягчилось.

В то же время Великий князь Александр Михайлович, знаменитый Сандро, полностью потерял интерес к жизни, а его жену Великую княгиню Ксению Александровну одолело отчаяние – и она, совсем опустив руки, перестала обращать внимание на своих пятерых детей. От такого «счастья» малолетние «Романовы в квадрате» совершенно одичали.

Пустопорожняя светская болтовня и ностальгические воспоминания «о минувшем» стали основным времяпровождением членов семьи Романовых. Между собой «ялтинских сидельцев» объединяло лишь беспокойство за жизнь остальных родственников, волею судеб разбросанных по необъятным просторам России. И главным предметом их тревог было благополучие Ники, Аликс и их детей, заточенных в далеком Тобольске.

И четвертого октября по старому стилю вся их привычная жизнь обрушилась, словно стена ветхого дома. На рассвете во дворец Ай-Тодор явился громила в матросской форме и, представившись «матросом Задорожным», заявил, что у него есть приказ Председателя Совнаркома товарища Сталина, согласно которому всех Романовых, которые находятся в своих крымских владениях, необходимо в полной целости и сохранности отправить в Петроград. Так Мария Федоровна и прочие арестанты узнали, что уже четвертый день они живут в совершенно другом государстве – Российской Советской республике.

Последовавшая за этим «немая сцена» удивила бы даже самого Гоголя. К тому же Задорожный довольно смутно представлял себе ситуацию в Петрограде. Но он точно знал, что большевики взяли власть без стрельбы и поножовщины. Сандро переглянулся с обоими Николаевичами, а Мария Федоровна безапелляционно заявила нахалу в матросской форме, что от этого адвокатишки Керенского ничего иного и не ожидала, и что она никуда не поедет, пусть большевики ее убивают прямо тут, на месте.

Матрос Задорожный, равнодушно пожав плечами – ну что можно ожидать от вздорной бабы, – с нескрываемым удовольствием наблюдал за смятением и суетой, овладевшими еще недавно монаршими особами. Когда шум и гам

немного утихли, он добавил, что те, кто решит остаться, сделают себе только хуже. Ибо Совет в Ялте, состоящий из разной шушеры, постановил никуда их не отпускать и расстрелять прямо на месте, невзирая ни на пол и возраст.

Великая княгиня Ксения ахнула и упала в обморок. Сандро попытался привести жену в чувство, а их пятеро сорванцов подняли страшный шум, после чего гостиная стала напоминать сумасшедший дом.

Вместо того чтобы успокоить слабонервных, матрос Задорожный еще подлил масла в огонь, заявив, что времени на сборы он дает всего пару часов, а кто не успеет собраться, отправится в Петроград в чем есть. «Если нужно, доставлю вас в чем мать родила!» – сказал с нехорошей улыбкой громила, перепоясанный пулеметными лентами.

Началась бестолковая суета. Пронзительно вопили «черногорки» – жены великих князей Николаевичей. В чем мать родила недавние владыки России ехать не захотели, и потому сборы в дорогу разного нужного и ненужного барахла несколько затянулись. Заупрямившуюся было императрицу Марию Федоровну два здоровенных матроса с крейсера «Кагул» вынесли к обозу прямо вместе с массивным дубовым креслом, и в таком виде водрузили ее на телегу. Ольга Александровна попробовала было затеряться в этой суете, попытавшись сбежать из дворца с полуторамесячным сыном Тихоном, но матрос Задорожный аккуратно прихватил ее за локоток, заявив: «А о вас, гражданка Романова-Куликовская, я попрошу остаться. У меня в отношении вас есть особое указание. А именно – доставить в Петроград в целости и сохранности. И супруга вашего».

Сапфиры, рубины и изумруды, приготовленные Романовыми для бегства, так и остались лежать в тайнике на берегу Ялтинской бухты, охраняемые лишь старым собачьим черепом. А их хозяева отправились в Петроград, гадая о том, что это может быть: дорога в эмиграцию или шествие на Голгофу.

Тронулись они уже после полудня. Обоз охраняли два десятка матросов с винтовками. Конечно, против сил, которыми располагал Ялтинский совдеп, этого было слишком мало. Но Задорожный схитрил, отправившись с обозом не по дороге на Севастополь, вдоль берега моря, а горными тропами прямиком на Бахчисарай.

Романовы прибыли туда уже после наступления темноты, уставшие, пропыленные, но живые и невредимые. То, что они увидели на станции Бахчисарай, вызвало у них оторопь. Мария Федоровна от изумления и возмущения даже забыла все те ругательства, которые она обрушивала на головы своих конвоиров во время путешествия в тряской повозке…

В свете тусклых станционных фонарей перед Романовыми вырисовывался грязный и обшарпанный санитарный эшелон – на нем были намалеваны череп с костями и надпись «Осторожно, тиф!» Когда первое изумление у знатных пассажиров прошло, Задорожный заявил им, что никаким другим способом доставить их живыми и здоровыми из Бахчисарая в Петербург невозможно. И что это не его идея, а помощника товарища Сталина, товарища Тамбовцева, а сам он никогда в жизни до такого бы не додумался. Он добавил, что никогда бы не стал искать членов бывшей царской фамилии в таком нехорошем месте, а значит, и другие вряд ли сунутся в вагон с такой устрашающей надписью. Все те же матросы с «Кагула» составили караул, и около полуночи, отчаянно дымя, поезд тронулся в сторону Симферополя. Далее следовал Армянск, потом Херсон. Киев путешественники решили миновать, не останавливаясь. Ибо там сейчас заседала Центральная Рада, издававшая один «универсал*» за другим. Пан Петлюра и пан Винниченко пока еще не заявили публично об отделении Украины от России, но уже были готовы провозгласить УНР (Украинскую Народную Республику). В общем, бедлам с местным «незалэжным» колоритом.

Историческая справка: * универсал – правовой акт, изданный для всеобщего сведения, разновидность указа (в Польше и на Украине).

Уже позже Романовы узнали, что дворец Ай-Тюдор и имение Дюльбер на другой день после их тайного отъезда были разграблены и сожжены.

18 (05) октября 1917 года, Полдень. Петроград, Совнарком (Таврический дворец).

Джон Сайлас Рид, журналист, и его жена, Луиза Брайант, известная марксистская и феминистская писательница.

К парадному входу в Таврический дворец подошел высокий человек в шляпе и костюме явно иностранного покроя, под руку с красивой черноволосой женщиной.

Человек в странной пятнистой военной форме (по всей видимости, старший красногвардейского караула) сделал шаг вперед и сказал:

– Товарищ, будьте добры, предъявите пропуск.

Человек в шляпе сказал с заметным английским акцентом:

– У меня нет пропуска, товарищ. Я Джон Рид, американский журналист, член Социалистической Партии Северо-Американских Соединенных Штатов. Пришел взять интервью у вашего нового премьера, товарища Сталина. А это моя жена, Луиза Брайант.

Пятнистый достал из сумки блокнот, заглянул в него, и спросил:

– Джон Рид? Есть такой! Рад с вами познакомиться, товарищ Рид.

– А вы разве меня знаете? – изумился тот.

– А как же, товарищ Рид, – ответил «пятнистый», захлопывая блокнот; в глазах его светились искорки лукавства. – Наслышан о вас, наслышан. Добро пожаловать в Совнарком. Товарищ Сталин вас ждет, мы как раз собирались послать за вами автомобиль.

– За мной? – еще больше удивился Джон Рид, глядя на крытый пятнистый легковой автомобиль, массивными рублеными формами производивший впечатление несокрушимой мощи. – Но, товарищи, я всего лишь журналист, работаю на журнал "The Masses", «Массы» по-русски. Я знаю товарища Сталина – не лично, конечно, но по репутации – как редактора главной большевистской газеты. А теперь он стал первым человеком в новом правительстве. Поэтому я хотел бы взять у него интервью. Думаю, что рабочим всего мира будет интересно узнать, кто он есть – руководитель первого в мире государства рабочих и крестьян.

Человек в пятнистом кивнул:

– Заходите, пожалуйста, товарищ Рид, я вас провожу. И вы, мисс Брайант. Или вас лучше называть миссис Рид?

Луиза Брайант гордо вскинула голову.

– Мы с товарищем Ридом не верим в условности и конвенции. Поэтому и я оставила свою девичью фамилию. Я не вижу причины, по которой женщина должна менять фамилию только потому, что она вступила в брак. И называйте меня товарищ Брайант.

Человек в пятнистом только пожал плечами, показывая, что каждый сходит с ума по-своему. Не тратя времени на формальности, он вытащил из нагрудного кармана маленькую черную коробочку, и произнес в нее:

– Со мной журналисты Джон Рид и Луиза Брайант, к товарищу Сталину.

Коробочка в ответ прохрипела:

– Проведите их, товарищ Сталин ждет.

Несколько минут спустя, рабочий кабинет. Председателя Совнаркома.

Джон Сайлас Рид, Луиза Брайант и товарищ Сталин.

Товарищ Сталин оказался невысоким рябым человеком с рыжеватыми усами. Он гостеприимно предложил Риду и Брайант присесть, и, предложив им чаю, сказал:

– Мне сообщили, что вы оба неплохо говорите по-русски. Так что, надеюсь, наша беседа пройдет без недопонимания?

Тот кивнул.

– Товарищ Сталин, мы здесь уже с августа. А до приезда в Россию мы учили русский язык у политических эмигрантов. Я уже собирался брать интервью у товарища Керенски, но он так неожиданно ушел в отставку…

Сталин кивнул и чуть в развалку прошелся по кабинету.

– Хорошо, товарищи. О чем мы будем говорить?

– Товарищ Сталин, – сказал Джон Рид, – трудящиеся всего мира хотели бы узнать, что представляет из себя глава нового русского правительства социалистов. Правительства, столь разительно отличающегося от Временного правительства господина Керенски.

Сталин усмехнулся в усы и медленно произнес:

– Скажите, а в чем вы лично видите такие уж коренные отличия?

Джон Рид вздохнул.

– Товарищ Сталин, еще неделю назад мы продавали привезенную из Америки одежду, чтобы хоть как-то прокормиться. Выходить на улицу ночью было безумием. Выходить на улицу днем тоже было небезопасно. Неделю назад я бы пошел сюда один, взяв с собой револьвер, и оставил бы Луизу на съемной квартире. А теперь вдруг все, как по мановению волшебной палочки, изменилось… Эти ваши патрули на улицах, появившиеся будто ниоткуда. Грабителей, убийц и насильников они без всякой пощады стреляют на месте. Городские обыватели не очень любили большевиков, но сейчас, вздохнув спокойнее, они готовы просто благословлять вас. А сегодня я видел на улице казаков с красными повязками, парный патруль. Они ехали на своих лошадях, никого не трогали, но, видя их, люди думают что скоро, наконец, вернется спокойная жизнь, как до войны.

Сталин кивнул.

– Да, товарищи, первыми нашими шагами было наведение элементарного порядка в городе. Ведь согласитесь, что честно трудящиеся люди – а к их числу можно отнести и рабочих, и инженеров с профессорами, и даже офицеров, а также их близких – должны иметь возможность ходить по улицам и переулкам Петрограда без страха быть зарезанными, ограбленными и изнасилованными. А что насчет расстрелянных бандитов, то, как у нас говорят, собакам – собачья смерть. Хотя сами собаки, наверное, обиделись бы от такого сравнения. Ведь они честно помогают людям, охраняя их дома и имущество. По-моему, бандитов лучше сравнивать с шакалами – вот самая достойная для них компания.

Джон Рид, быстро чиркающий карандашом в журналистском блокноте, снова поднял голову.

– Товарищ Сталин, а не могли бы вы рассказать нашим читателям вкратце свою биографию?

Задумавшись, Сталин пересек кабинет из конца в конец.

– Значит, так, товарищи. Биография у меня самая простая. Я родился в конце 1878 года, в городе Гори в Тифлисской губернии. Это на Кавказе. Отец мой был простой сапожник, а мать работала прачкой. Семья наша была бедной. Я учился в духовной семинарии за казенный счет, как отличник. Именно в это время я понял, что справедливость не упадет с неба по милости Божьей, а за нее надо бороться на земле. И по велению сердца я ушел в революцию, посвятив все свою жизнь борьбе за построение лучшего мира. Приходилось мне бывать и в ссылке, и в тюрьме. В последнее время, вернувшись из ссылки, я работал главным редактором газеты «Правда» и «Рабочий путь». Теперь, когда большевики взяли власть в свои руки, партия поставила меня во главе правительства.

Джон Рид пожал плечами, делая пометки в блокноте.

– А товарищ Троцкий утверждает, что революция – это его личная заслуга, и что именно он является лидером большевиков.

Сталин усмехнулся в усы.

– Товарищ Троцкий – большой фантазер. Он не представляет здесь никого, кроме кучки его сторонников и заокеанских политэмигрантов, которые приехали «цивилизовать Россию». Он мечтает о власти для себя, а не для народа…

– Но ведь именно он призывает к немедленной мировой революции, – возразил американский журналист.

Сталин внимательно посмотрел на него.

– Скажите, товарищ Рид, вот вы лично готовы принести Соединенные Штаты в жертву мировой революции? Чтобы в вашей стране вновь вспыхнула

гражданская война, и американцы, как и полвека назад, снова резали глотки друг другу?

Тот вскинул голову.

– Я вас не понял, товарищ Сталин. Ведь смысл мировой революции заключается именно в том, чтобы самые широкие народные массы везде жили достойно. И уплаченная за это цена…

– Цена тоже может оказаться чрезмерной, – возразил Сталин, – и, кроме того, может получиться так, что массы платили за одно, а получили совсем другое. У таких вождей, как Троцкий, искусство подмены понятий сидит в крови. И, кроме того, товарищ Троцкий призвал к тому, чтобы морить население Петербурга голодом. Зачем? Прямых целей, связанных с социалистическими идеалами, я тут не вижу, а значит, есть какие-то скрытые цели, о которых не говорят вслух. Мы же первым делом добились того, что продукты, которые раньше не доходили до жителей города, теперь привозятся и поступают в продуктовые магазины в достаточном количестве. А про мировую революцию… Товарищ Троцкий сказал, что Россия для него – всего лишь охапка хвороста, брошенная в костер мировой революции. Мы же строим новую Россию, где все сословия будут равны и будут жить достойно. Мы за мир, но за такой мир, в котором Россия ничего не потеряет. Товарищ Троцкий же мечтает о «перманентной революции», когда от зажженного у нас костра полыхнет по всему земному шару. А то, что от России останется лишь горсть золы, его совершенно не волнует.

Джон Рид снова сделал очередную пометку в своем блокноте.

– Скажите, что вы думаете по поводу того, что товарищ Троцкий призывает к сотрудничеству с люмпен-пролетариатом, как с самым классово близким элементом?

– Так называемый люмпен-пролетариат – это первые враги социалистической законности, – ответил Сталин. – Именно поэтому мы считаем необходимым выяснить истинные цели и мотивы действий товарища Троцкого, и предпринять соответствующие меры. Слишком странных союзников он нам предлагает. Если товарищ Троцкий не разделяет мнения большинства членов партии, то это значит, что он не в ту партию вступил…

Тут слово взяла Луиза Брайант:

– Товарищ Сталин, а что вы скажете о правах женщин?

– Товарищ Брайант, мы считаем, что у женщин должны были те же, ну или почти те же права, что и у мужчин. Надеюсь, что в скором времени вы увидите, что мы этого неуклонно добиваемся. Но в этом вопросе не стоит перегибать палку.

– Что вы имеете в виду, товарищ Сталин? – кокетливо спросила американка.

Видите ли, товарищ Луиза, – ответил Сталин, – в отличие от мужчин, у женщин есть естественные привилегии даже в нашем жестоком мире. Когда на войне не принято убивать женщин – это привилегия. Когда вам уступают место в трамвае, целуют ручку, дарят конфеты и цветы – это тоже привилегия. Так вот: некоторые мужские права, которые так тщатся приобрести женщины, ведут к утрате ими этих привилегий. В них просто перестают видеть прекрасных дам, и они становятся «своим парнем». Сейчас вам кажется это забавным, но позже вы вспомните, что родились представительницей прекрасной половины рода человеческого. Если хотите, побеседуйте на эту тему с вашей коллегой, журналисткой газеты «Рабочий путь» Ириной Андреевой. Она расскажет вам много интересного…

Луиза Брайант хотела еще что-то спросить, но тут Сталин, взглянув на большие напольные часы в кабинете, и вздохнул:

– Товарищи, к сожалению, мне необходимо вернуться к моим прямым обязанностям. Через несколько минут у меня важная встреча. Но в будущем я всегда буду рад видеть вас у себя.

Джон Рид встал.

– Товарищ Сталин, последний вопрос. Скажите, а что это за люди в пятнистой форме, которые так внезапно появились в Петрограде несколько дней назад, и какой марки тот автомобиль, который собирались прислать за нами?

Сталин сделал таинственное выражение лица.

– Товарищи, обещаю вам, что вы все узнаете, но не сейчас. Всему свое время. А засим разрешите с вами распрощаться. С автомобилем же вы ознакомитесь, потому что именно на нем вас отвезут на вашу квартиру.

18 (05) октября 1917 года, 13:00. Петроград, Совнарком (Таврический дворец).

Тамбовцев Александр Васильевич.

В небольшой комнатке Таврического дворца на совещание в узком кругу собрались несколько человек. Это были: председатель Совнаркома Сталин, нарком внутренних дел Дзержинский, нарком иностранных дел Чичерин и нарком просвещения Луначарский, а также ваш покорный слуга. Речь должна пойти о так называемой «четвертой власти». А именно – о прессе. А также о контроле за ней.

Дело было в том, что информационное обеспечение нового советского правительства было из рук вон скверное. Конечно, газета большевиков «Рабочий путь», которая завтрашнего дня будет снова называться «Правдой», пользовалась большой популярностью. Но только у, так сказать, «своей» части грамотного населения России. А нам надо было охватить все слои граждан нового государства. И малограмотного, и неграмотного. Причем сделать это так, чтобы в газетах не печатались враждебные для нас материалы. Одновременно, отсекая откровенную ложь и провокации, система контроля за прессой должна пропускать здоровую критику снизу, а то товарищи на местах в революционном энтузиазме такого наворотят…

Об этом я и заявил собравшимся товарищам. Сталин и Дзержинский, знающие подробности нашей «биографии», понимающе кивнули, Чичерин слегка поморщился, а вот товарищ Луначарский прямо-таки взвился, полный возмущения и негодования.

– Товарищ Тамбовцев! да что вы такое говорите! – гневно воскликнул он. – Как можно зажимать рот прессе, пусть даже и не разделяющей наши взгляды? Это что, возврат к цензуре?!

Я устало вздохнул. Боже мой, опять эти благоглупости… Товарищ Луначарский, конечно, замечательный человек, но он, как истинный интеллигент, верит в то, чего нет и не может быть на свете…

– Анатолий Васильевич, уважаемый, – сказал я ему, – уж поверьте мне, что свободной прессы в природе просто не существует. Это миф. Сейчас она может быть или пробольшевистская, или антибольшевистская. Третьего не дано! У каждого печатного органа есть хозяин, который платит за все, и он определяет редакционную политику. И ни один, даже самый независимый, редактор не пойдет против воли хозяина. А если и пойдет, то и дня не проработает…

– Александр Васильевич, а как вы будете бороться за большевизацию газет, выходящих в Петрограде и России? – спросил Сталин.

– Для этого есть много способов, товарищ Сталин, – ответил я. – Во-первых, это большевизация общественных объединений и организаций, имеющих свои печатные органы. Рано или поздно это все равно придется делать. Во-вторых, это закрытие и ликвидация откровенно враждебных нам изданий… Может быть, Совнаркому стоило бы принять Декрет о борьбе с клеветой, чтобы публикация откровенно лживых материалов влекла за собой немедленные уголовные и административные санкции. Все должно быть строго по закону, который нам еще предстоит принять. Но давайте подробнее мы поговорим на эту тему позже, а пока хотел бы предложить создать новое информационное агентство…

– Это что-то вроде РТА – Русского телеграфного агентства? – блеснул эрудицией Чичерин. – Так оно приказало долго жить еще в 1878 году. А потом было ТТА – Торгово-телеграфное агентство, созданное на деньги и по инициативе господина Витте. Через него Сергей Юльевич весьма эффективно влиял на умы подданных Российской империи. Естественно, в нужном для себя направлении. Позже оно было преобразовано в Санкт-Петербургское телеграфное агентство, и затем – в Петроградское телеграфное агентство, ныне существующее.

– Все так, Георгий Васильевич, – сказал я. – Только новое информационное агентство будет работать на большевиков, как когда-то ТТА работало на господина Витте. Кроме того, наше агентство – я предлагаю его назвать ИТАР (Информационное телеграфное агентство России) – будет распространять информацию не только по всей России, но и по всему миру. Причем надо сделать так, чтобы иностранные корреспонденты получали именно ту информацию, которая нельзя было бы использовать во вред интересам Советской России.

– Это правильно, товарищ Тамбовцев, – заметил Сталин, – но как этого добиться? Ведь не приставишь же к каждому иностранному журналисту стража с ружьем,

который будет водить его там, где он увидит то, что следует увидеть.

– Иосиф Виссарионович, если нужно, то и конвоира можно приставить, – ответил я, – скажем, под тем предлогом, что пребывание в том или ином районе небезопасно. Но нам необходимо самим готовить и предлагать иностранным журналистам нужную большевистскому правительству информацию. Большинство из них никогда и никуда не выезжают из Петрограда или Москвы. Так что я предлагаю создать при ИТАР сеть внештатных корреспондентов во всех городах России, а также пресс-группу, которая будет анализировать их сообщения и готовить информационные сводки. И нам надо стать более открытыми и доступными. Пресс-группа станет проводить еженедельные встречи с журналистами, озвучивая информацию о том или ином событии. Естественно, с нашей точки зрения. Наркомы время от времени должны проводить пресс-конференции, на которых они будут отвечать на заданные им вопросы – прямо скажу, не всегда приятные. Но тут надо уметь парировать их. Конечно, сложно, но… Теперь то, что касается, так сказать, внутренней аудитории. Надо учесть, что в России еще, к сожалению, много малограмотных, а то и откровенно неграмотных людей. О всероссийской радиосети, доступной в каждой деревне, пока говорить рано. Следовательно, информацию все равно придется доводить до людей в печатном виде, и она должна быть изложена простым и доступным языком для малограмотных. Или даже в виде картинок с соответствующими подписями. Вроде комиксов, имеющих распространение в САСШ. Стилистика рисунков тоже должна быть проста, как у народного лубка. В составе ИТАР надо будет создать группу, которая будет заниматься изготовлением таких информационно-агитационных материалов. В качестве одного из кандидатов в эту группу могу предложить поэта-футуриста Владимира Маяковского. В той истории у него все, о чем я только что говорил, неплохо получалось.

Сталин сделал очередную заметку в своем блокноте, а потом спросил:

– Товарищ Тамбовцев, конечно, агитация – это наше все, но не слишком ли вы усложняете? Информационное агентство, наглядная агитация и прочее – это, конечно, неплохо, но столь ли важно это сейчас?

– Важно, очень важно, Иосиф Виссарионович, – ответил я, – недаром в наше время появился даже такой термин, как «информационные войны». А мы сейчас на войне. И сражение без единого выстрела, выигранное на информационном поле, тут же оборачивается политической победой. Да и вы сами могли увидеть,

что может сделать информационная атака, на примере нашего спецвыпуска «Рабочего пути». Нам удалось без капли крови конвертировать военную победу над немцами под Эзелем в политическую победу над Временным Правительством в Петрограде.

– Тут вы, пожалуй, правы, – сказал Сталин, – действительно, эффект от нашей газеты оказался подобным взрыву информационной бомбы. Керенский понял, что земля под ним зашаталась, и с перепугу подал в отставку.

– Вот-вот, – заметил я, – иногда статья в газете наносит больше ущерба противнику, чем удачно проведенная боевая операция. А помните, как американский газетный магнат Вильям Рэндольф Херст готовил с помощью своей прессы войну САСШ с Испанией? В 1898 году он направил на Кубу, где испанские войска сражались с повстанцами, художника Фредерика Ремингтона. Тот должен быть сделать рисунки на тему «зверств испанской военщины». Но Ремингтон обнаружил, что на Кубе все спокойно и кровопролитием не пахнет. Он телеграфировал Херсту: «Все спокойно. Ничего страшного не происходит. Войны не будет. Хотел бы вернуться». Херст послал ответ: «Пожалуйста, останьтесь. Обеспечьте иллюстрации. Войну обеспечу я». И обеспечил…

– Я слышал об этой истории, – задумчиво сказал Чичерин, – и вы, пожалуй, правы. Информация – великая сила… Только позвольте задать вам вопрос, Александр Васильевич: кто возглавит это новое информационное агентство?

– А вот товарищу Тамбовцеву мы и поручим это дело, – с улыбкой сказал Сталин. – Как это говорится – «инициатива наказуема ее исполнением»? Товарищи, кто за то, чтобы товарищ Тамбовцев стал главой ИТАР, в ранге, равном наркомовскому?

Наркомы, хитро улыбаясь, дружно подняли руки.

«Влип, – подумал я, – правильно говорят, что ни одно доброе дело не остается безнаказанным…» Но деваться было некуда…

– Товарищи, благодарю вас за доверие, – сказал я, – постараюсь его оправдать. Сегодня же начну собирать команду и начну налаживать работу ИТАР. Хочу обратить еще особое внимание на один вид искусства, который в наше время тоже стал огромной силой. Речь о кино. Хроника, тем более снятая с

использованием наших технологий, может произвести огромный эффект. Надо организовать сеть передвижных киноустановок, чтобы кинохронику могли увидеть люди малограмотные, и даже в самых медвежьих углах.

– Надеюсь, в самое ближайшее время вы, Александр Васильевич, грамотно организуете информационную поддержку грядущих боевых действий против германцев, – сказал Сталин. – Надо, чтобы информация с поля боя, и особенно кинохроника, стала достоянием всех граждан новой России. И не только России…

Чичерин, Луначарский и Дзержинский согласно закивали головами…

Вот так я попал в нынешнюю номенклатурную команду. Что ж, будем и дальше делать карьеру в сталинском правительстве…

19 (06) октября 1917 года, 00:15. Железнодорожная станция Екатеринбург-II.

Бывший царь, а ныне гражданин Российской республики Николай Александрович Романов и его семейство.

Поезд, везущий в Петроград царское семейство, стал притормаживать на подходе к товарной станции Екатеринбург-II.

«Романовы – не велики баре…» – решил комиссар Панкратов. Поменять паровоз, осмотреть состав и набрать кипятка можно и здесь. Зато никакой праздной публики и ненужного внимания к людям, которых старый народоволец ненавидел до глубины души, считая причиной всех своих бед. Кроме того, в Екатеринбургском Совете, как и во всяком крупном промышленном центре, социал-демократы были разные. От меньшевиков-«вегетарианцев» до ультралевых большевиков, которые ненавидели Романовых сильнее, чем эсеры. Товарищу Панкратову совсем не улыбалось вступать с ними в соревнование за право расстрелять бывшего Хозяина Земли Русской и его семейство в придачу. Лично он считал, что делать это следует лишь после того, как на открытом судебном процессе будут преданы огласке все кровавые преступления царизма. А там уже народ вынесет бывшему царю и его близким свой суровый приговор. И вот тогда можно будет их повесить, как Александр III вешал народовольцев. Или расстрелять, как расстреливали восставших крестьян царские военно-полевые суды во времена Столыпина. Или стоит вернуться к библейскому методу казни –

побиванию камнями…

Несмотря на поздний час, Романовское семейство не спало. Когда поезд, лязгнув вагонными буферами, остановился на станции Екатеринбург-II, и от состава отцепили паровоз, Аликс и Ники перешли в ту половину вагона, где перегородки между купе были сломаны, образуя помещение, как бы в насмешку именуемое «салон-вагоном». Но зато тут висело несколько икон, и бывшие монархи, опустившись на колени, стали творить молитву, опасаясь, что настал их последний час. К ним присоединились их дочери. Алексей, уже привыкший к тому, что смерть ходит за ним по пятам, почти беззвучно шевелил губами в сторонке, повторяя про себя слова молитвы.

Никому ничего не надо было говорить. Предчувствие ужасного конца преследовало семейство с того самого дня, как им объявили об отправке в Петроград. Сначала плавание на пароходе по готовой остановиться реке (причем комиссар Панкратов все время повторял им, что если река встанет, он расстреляет их прямо здесь). Потом посадка на поезд в Тюмени. Железная дорога выделила для перевозки Романовых самые старые и разбитые вагоны. Было удивительно, что они еще не развалились.

Потом тринадцать часов в пути, под стук колес и скрип жалующихся на свой почтенный возраст конструкций. Девицы не могли спать, поскольку боялись, что их убьют во сне. Даже самая младшая, самая веселая и жизнерадостная из сестер – Анастасия – стала какой-то замкнутой и испуганной.

Последние слова молитвы заглушил лязг и грохот встречного воинского эшелона, который замедляя ход, проходил по соседнему пути. Все невольно обернулись к окну. Там, в свете станционного фонаря, промелькнул сначала паровоз, пышущий паром, потом платформа с чем-то похожим на авто, затянутым парусиновым чехлом. Затем величаво проплыл установленный на платформу большой броневик с огромными, в рост человека, колесами; на его борту красовались нарисованный Андреевский флаг и надпись большими белыми буквами «ВС РФ 435». Потом мимо окон царского вагона проехали теплушка, плацкартный вагон…

И наконец, со скрипом тормозов, прямо напротив, окно в окно, остановился классный вагон. На площадках вагонов стояли часовые, закутанные в башлыки – и это говорило о том, что это воинский эшелон, прибывший в Екатеринбург по какой-то своей надобности.

Тогда же и там же. Контр-адмирал Владимир Константинович Пилкин и старший лейтенант Николай Арсеньевич Бесоев.

Как только состав замер на станционных путях, с подножки плацкартного вагона соскочил закутанный в шинель и в башлык человек. Он ловко пролез под вагонами и молнией метнулся к станционному домику. Это был рядовой Сергей Селиверстов, по прозвищу Сильвестр, коренной екатеринбуржец, родившийся как раз в этих местах, в Железнодорожном районе города, только семьюдесятью годами позднее. Перед операцией он тщательно изучил схему станции, такой, какой она была в начале двадцатого века. И теперь ноги сами несли его куда надо.

Найдя внутри станционного домика дверь с табличкой «военный комендант, штабс-капитанъ Кудреватовъ», он сначала постучал, а потом сунул внутрь голову.

– Здравия желаю, господин штабс-капитан, – с легкой хрипотцой сказал Сергей, – я к вам от Николая Михайловича…

Услышав пароль, Кудреватов вздрогнул. Он совсем не хотел угодить в историю, и надеялся, что этот проклятый поезд с минуты на минуту уберется с его дистанции. Но видно, там, в Петербурге, уж очень спешили, и сумели перехватить Романовых. Штабс-капитан не хотел впутываться в политику, но не считал возможным ослушаться приказа вышестоящего начальства. Совершенно непонятно, что будет дальше, но теперь ему придется сделать то, что требовала присяга. Царя Николая, отрекшегося от престола в феврале, штабс-капитан считал обычным дезертиром, недостойным жалости. Сам бы он никогда не пошел на то, чтобы спасать гражданина Романова от опасности. Но приказ есть приказ.

Вздохнув, штабс-капитан произнес:

– Они здесь, молодой человек, третий путь, второй вагон от головы поезда… Сопровождают комиссар и двадцать солдат охраны.

– Благодарю вас, ваше благородие, – быстро сказал Сергей, закрывая за собой дверь, – приятных вам снов.

Штабс-капитан хотел было сказать, что никаких «благородий» после того проклятого «Приказа № 1» больше нет, но ночной визитер уже исчез.

«Какой он, к черту, рядовой, – подумал штабс-капитан, укладываясь на кожаный диван в своем кабинете и укрываясь шинелью, – скорее, вольноопределяющийся или офицер из фронтовиков. Шрам на лице, взгляд, манеры, голос… А шинель рядового только для отвода глаз».

Ворочаясь на жестком диване, он попытался заснуть. То, что сейчас будет происходить на этой станции, его не должно волновать.

Выскочив из домика коменданта и убедившись, что за ним нет слежки, рядовой Селиверстов, непроизвольно поправив скрытую гарнитуру, почти дословно повторил то, что сказал штабс-капитан.

После сообщения Селиверстова в эшелоне все пришло в движение. Спецназовцы надевали экипировку, проверяли оружие и снаряжение, наносили на лица устрашающий боевой грим.

Старший лейтенант Бесоев постучал в дверь каюты контр-адмирала Пилкина.

– Господин контр-адмирал, наш выход. Публика в сборе, музыканты готовы, пора начинать.

Через несколько минут тот вышел – при полном параде, в застегнутой на все крючки шинели, фуражке и при контр-адмиральских погонах. По прошлым временам – красавец, а по нынешним – откровенный безумец: попытайся он вот так выйти на улицу… Разорвут на части, причем не какие-то там кронштадтские или гельсингфорские «братишки», а самая что ни на есть либеральная «тилигенция».

Подняв глаза, контр-адмирал вздрогнул. Он впервые видел спецназовца XXI века в полной экипировке и при ночной боевой раскраске.

– Господи… господин поручик! – тяжело вздохнул он, – во что вы себя превратили!

– В ужас, летящий на крыльях ночи! – завывая, проговорил Бесоев. – Владимир Константинович, – тон его стал серьезным, – поймите, что это всего-навсего наша рабочая экипировка.

– Но ведь там женщины! – воскликнул Пилкин. – Александра Федоровна и ее дочери. Вы же их напугаете до смерти! У меня вот сердце от неожиданности екнуло, а что говорить о дамах и девицах…

– А еще там, господин контр-адмирал, имеется такая редкостная сволочь, как комиссар Временного Правительства Панкратов, а также двадцать солдат-обормотов, наверняка лично отобранных этим комиссаром, причем критерием отбора стала личная ненависть их к царской фамилии. Мы должны исключить малейший риск, а значит, с самого начала надо отбить у охраны малейшее желание оказать нам сопротивление. Вы знаете, с какой легкостью даже при случайном выстреле винтовочная пуля прошивает навылет перегородки между купе? – Старший лейтенант жестко улыбнулся. – Ну, а успокаивать перепуганных представительниц слабого пола придется вам, господин контр-адмирал. А теперь извините, пора…

«Зверь! – подумал про себя контр-адмирал, выходя вслед за старшим лейтенантом в тамбур. – Убийца! Для него убить кого-то – что стакан воды выпить. И все они тут как оборотни: в обычное время – люди, а стоит прозвучать приказу, тут же превращаются в машины для убийств. Но дело они свое знают, что дает надежду на благополучное завершение этой авантюры…»

В своих размышлениях контр-адмирал Пилкин был неправ. И вовсе не были они бездушными убийцами. Такие, как Бесоев, в сентябре 2004 года своими телами закрывали в Беслане детей от пуль бандитов. Да, тогда они уничтожили почти всю банду, взяв живьем только одного душегуба. Но тогда никто не требовал от бойцов сохранить жизни бандитов, захвативших заложников.

Но сейчас старшему лейтенанту были не нужны лишние жертвы. Единственным человеком, насчет которого ему были отданы недвусмысленные распоряжения, был комиссар Панкратов. Лютый враг не только семьи Романовых, но и партии большевиков, боевик эсеровской Боевой Организации, и при этом заслуженный революционер. Такому лучше быть в могиле, чем множить смуту на русской земле.

В тамбуре бойцы, к удивлению контр-адмирала, попрыгали на месте, проверяя тщательность подгонки снаряжения, а потом по одному канули в ночь. Они ушли на темную, противоположную царскому составу и перрону, сторону. Бесоев с Пилкиным остались в тамбуре, ожидая условного сигнала. Контр-адмирала вдруг стала бить нервная дрожь.

Но вот прошло время ожидания, и в наушниках у старшего лейтенанта раздался голос командира ударной группой, старшины Седова:

– Бес, это Седой. Периметр чист.

Кивнув контр-адмиралу, старший лейтенант достал из плечевой кобуры «стечкин» с глушителем и через приоткрытую дверь тенью выскользнул из вагона. Контр-адмирал, как мог, старался не отстать от этого скользящего в ночи призрака. У дверей в вагон, в котором, по данным военного коменданта, находилась царская семья, лежал скрючившийся в позе эмбриона часовой, и, кажется, даже храпел. Тут же стояли два спецназовца. Бесоев бросил своим бойцам:

– Занесите это в тамбур, а то простудится…

Поставив ногу на подножку, он стал подниматься в вагон. В тамбуре он нос к носу столкнулся с мужчиной неопределенного рода занятий – явным «пиджаком», но тем не менее вооруженным «маузером» в деревянной лакированной кобуре.

«Панкратов», – догадался Бесоев, вскидывая свой «стечкин».

Что подумал об этой встрече комиссар Панкратов – в анналах истории не сохранилось. Завидев лезущее в вагон чудище, он шарахнулся в сторону, выпучил глаза и стал пальцами скрести по деревянной крышке кобуры своего пистолета. А размалеванный как индеец пришелец навел на него пистолет со странным толстым стволом и… «Чпок!» – раздался едва слышный хлопок. Комиссар Панкратов дернул головой, а на стенке тамбура сзади расплылось кровавое пятно. Мертвое тело еще сползало вниз, а Бесоев уже сделал шаг в сторону, освобождая место для напарника.

– Раз, два – начали! Второй номер страхует… – Старший лейтенант сделал шаг вперед и в сторону, скользнув в коридор вагона.

Сзади шепотом:

– Чисто! – Это вторая пара прикрыла ему спину со стороны третьего вагона.

Дальше – коридор, подозрительно короткий. Видны двери всего трех купе, а дальше – пустое пространство, как в салон-вагоне…

Белые, как бумага, лица и переходящий в ультразвук женский визг. Абсолютно непонятно, кто так вопит с тембром дисковой пилы – сама ли бывшая царица, или кто-то из ее дочерей.

Впрочем, это абсолютно неважно, потому что в противоположном конце вагона открывается дверь, и из тамбура в салон выскочил солдатик в шинели, папахе и с трехлинейкой. При появлении этого персонажа женский визг был прерван хлесткой пощечиной. Так мать может ударить «вышедшую из берегов» дочь, или старшая сестра младшую.

Но старшему лейтенанту было не до этого. В полной тишине солдатик, бледный от ужаса, стал лихорадочно передергивать затвор своей трехлинейки, целя при этом куда-то в сторону, похоже, в кого-то из Романовых. «Чпок, чпок!» – дважды выстрелил «стечкин», и солдатик, выронив винтовку, упал на пол. Две пули в плечо и ногу вывели его из строя надолго. Если не загнется от сепсиса в местном госпитале, то будет жить. Впереди послышался шум, падение чего-то тяжелого. Это значит, что, воспользовавшись тем, что часовой оставил свой пост в тамбуре, группа Седова приступила к зачистке первого вагона. Выстрелов не было, и это было хорошо. Значит, обойдется без лишних жертв.

Старший лейтенант повернулся к Романовым. Белые лица, сжатые от напряжения пальцы. У одной из царских дочерей подозрительно покрасневшая щека, другая потирает руку. За четыре дня пути старший лейтенант тщательно проштудировал досье на своих будущих «клиентов». И местное, которое предоставил ему генерал Потапов, и взятое из собственных времен. Выходит, что пощечина прилетела Анастасии от Татьяны. Это вполне возможно – вторая дочь императора Николая росла властной девушкой, похожей по характеру на свою мать, и, став постарше, на время болезни или отсутствия Александры

Федоровны вполне могла заменить ее в семейных делах.

– Третий вагон – чисто! Первый вагон – чисто! – почти одновременно услышал старший лейтенант в наушниках.

– Второй вагон – чисто! Объект взят! – машинально откликнулся Бесоев. Потом подумал и добавил: – Рыжий, Сильвестра ко мне бегом, и контр-адмирал пусть тоже поторопится. Мы свое дело сделали, теперь его выход…

19 (06) октября 1917 года, 00:55.

Железнодорожная станция Екатеринбург-II.

Бывший царь, а ныне гражданин Николай Александрович Романов и его семейство.

Услышав, что в тамбуре со стороны третьего вагона что-то хлопнуло, а потом раздались чьи-то крадущиеся шаги, царское семейство замерло подобно кроликам, увидевшим удава. Ожидавшие с минуты на минуту смерти, они побледнели и судорожно вцепились друг в друга. Спокойнее всех был бывший император. Он уже смирился с тем, что, возможно, в самое ближайшее время его жизнь трагически оборвется. Жалко было лишь жену и детей.

Потом события понеслись галопом… Страшный человек с размалеванным черным лицом и странной одежде, с большим пистолетом в руке, ворвавшийся в салон. Визг Анастасии, пощечина Татьяны и подстреленный солдат, который уже целился в бывшего императора из винтовки. Нестрашный такой звук – «хлоп, хлоп» – будто открыли бутылки с шампанским, а на полу уже лежит скорчившийся от боли человек…

Безусловно, бывший император понимал, что промедли этот человек хоть немного – и уже не солдатику, а ему, Николаю Александровичу Романову, пришлось бы вот так лежать на полу в луже крови. Правда, пока было неясно, кто этот человек с пистолетом – спаситель или хладнокровный убийца, который расстреливает всех свидетелей.

Но вслед за неизвестными с разрисованными лицами в вагон вбежал контр-адмирал Пилкин, и на душе у бывшего императора отлегло. Николай знал Владимира Константиновича как человека честного и преданного России и династии.

– Ваше Императорское Величество, – козырнул контр-адмирал Николаю II, – мы прибыли за вами.

Эти слова пролились бальзамом на измученную душу бывшего императора. Значит, есть еще преданные трону офицеры и солдаты! И теперь все будет хорошо.

Но радостные мысли Николая прервал неизвестный в черном, которого контр-адмирал назвал поручиком Бесоевым. В почти ультимативной форме он велел Романовым «ради сохранения жизни и свободы» собираться побыстрее и, как он сказал, «в темпе держи вора» перебираться в их поезд.

Из первого вагона, где ехала прислуга, во второй вагон «к царям» такие же бойцы в черной одежде втолкнули насмерть перепуганных лейб-медика Евгения Боткина, царского камердинера Алоизия Труппа, горничную Анну Демидову и лейб-повара Ивана Харитонова.

В царском вагоне начались лихорадочные сборы. Взять с собой надо было лишь самое необходимое. Женщины, как это бывает в подобных случаях, хватали все, что попадалось под руку. Горничная Демидова помогала Александре Федоровне, командующей своими дочками как фельдфебель новобранцами, а камердинер Алоизий Трупп – бывшему царю, который, впрочем, чувствовал себя в этой суете потерянным и ненужным человеком.

Лейб-медику Евгению Боткину после недолгих сборов торжественно вручили экс-царевича Алексея и отправили их вперед в сопровождении двух спецназовцев. Не дай Бог этот несчастный ребенок где-нибудь споткнется или упадет с железнодорожной насыпи. Любая травма в такой напряженной ситуации может стать смертельно опасной. Вместе с ними отправили и лейб-повара, который в данный момент лишь мешал сборам.

За исключением Татьяны, деловито собирающей в узлы самое необходимое, помогая матери и горничной, царевны метались по вагону, хватая то одну, то

другую памятную безделушку. Но вот через один путь от них по направлению к выходной стрелке на Пермь пропыхтел паровоз, и поручик Бесоев сказал контр-адмиралу Пилкину: «Все, пора… Уходим!» – и тот, уже зная, как нежелательно и опасно для Романовых задерживаться в Екатеринбурге, увлек за собой бывшего императора, следом за которым, собрав вокруг себя растерянных дочерей, двинулась и бывшая императрица.

19 (06) октября 1917 года, 01:35. Спецпоезд, перегон Екатеринбург-Кузино, направление на Пермь.

Бывший царь, а ныне гражданин Николай Александрович Романов и его семейство.

Колеса вагона прогрохотали по выходной стрелке станции, потом позади осталась пассажирская станция Екатеринбург-I, и спецпоезд умчался в ночь. Впереди – Пермь, Вятка, Вологда, Волхов и Питер; еще четыре дня пути. Позади остался Екатеринбург, дом инженера Ипатьева, штабс-капитан Кудреватов, ставший богаче на сотню рублей золотом, труп комиссара Панкратова и двадцать спящих глубоким сном солдат конвойной команды. Придут в себя они через двое суток, когда спецпоезд будет уже подъезжать к Вологде. Даже по-собачьи преданный Свердлову Уралсовет теперь ничего не сможет предпринять. А вот «город Екатерины» в самом ближайшем будущем достанет длинная и беспощадная рука Красной Гвардии – она вышибет мозги из голов преступников, дорвавшихся до власти. Юровский, Голощекин и его подельники умоются кровавыми слезами…

А сейчас все царское семейство, едва пришедшее в себя после последних бурных событий, собрали в штабном вагоне вместе со своей свитой, чтобы выслушать краткую вводную. Трогательная картина маслом: Алексей прижался к хмурому отцу, цесаревны, настороженно озираясь, собрались в кружок вокруг Александры Федоровны (сейчас они, правда, уже не столь испуганно смотрят на бойцов специального назначения, ведь те успели снять большую часть снаряжения и смыть свой устрашающий боевой грим).

«А ведь мои орлы – настоящие красавцы, – подумал про себя старший лейтенант Бесоев, – среди них нет ни слишком худых, ни слишком полных, да и накачаны они в меру, а не до полного безобразия, как этот анаболический мутант Шварц. Лица у ребят не тянут на тупых солдафонов, нормальные такие лица. В нашей службе тупых не держат: боец должен быть начитан, изобретателен и

остроумен. Эти свойства помогают не только в охоте за девичьими сердцами, но и при нанесении противнику максимального ущерба минимальными силами. Недаром цесаревны стреляют глазками, бросая на бойцов любопытные взгляды. Такая идиллия, что аж слеза пробивает… Но не все так просто. Ведь члены этого святого семейства были, как ни крути, виновниками всех бед, произошедших с Россией. Стоила ли эта их вина Ипатьевского подвала и Ганиной Ямы? Об уровне персональной вины бывших царя с царицы во всех бедах Государства Российского можно долго и красиво спорить. Но вот в чем, кроме происхождения, виновны их дети, а также чем оправдать убийство слуг, которые всего лишь честно делали свою работу? Стоп. С гешефтмахерами от революции разберутся другие люди, и никто не позавидует тому же Свердлову, Троцкому и их подельникам. Или я не знаю товарищей, которые уже взялись за это дело? Сейчас же нам надо окончательно взять под контроль царское семейство, чтобы они у меня из вагонных окон по дороге не сигали…»

Старший лейтенант посмотрел на контр-адмирала Пилкина.

– Владимир Константинович, – сказал он, – будьте добры, объясните Николаю Александровичу все происходящее. Если будут вопросы, я постараюсь на них ответить.

Все взгляды, как бывших августейших особ, так и их слуг, снова были направлены на затянутую в мундир фигуру контр-адмирала. Стояла пронзительная тишина. Не хватало только барабанного боя и крика капельмейстера: «Смертельный номер! Женщин, детей и нервных просим выйти!» Венценосные супруги и чада и домочадцы смотрели на него с надеждой, что сейчас им объявят о блестяще удавшемся монархическом заговоре. На бледном лице Александры Федоровны читалось страстное желание снова оказаться в Зимнем, в окружении свиты и лакеев в шитых золотом ливреях…

Но эта надежда рассеялась как дым, когда контр-адмирал произнес свои первые слова:

– Ваши Императорские Величества и Высочества, Сейчас мы направляемся в Петроград, где вас с надеждой и нетерпением ждут Великий Князь Михаил Александрович с супругой.

Наибольшее разочарование от этих слов появилось на лице Александры Федоровны.

– А как же… – начала она капризным тоном, выпятив нижнюю губу (ну чисто Алиса Фрейндлих). Старые привычки стремительно возвращались к бывшей императрице, едва она убедилась, что их не будут немедленно убивать.

– Вы хотели сказать: «трон или заграница»? – продолжил ее мысль старший лейтенант Бесоев. – Извините, ни первое, ни второе вам не грозит. Монархия как форма правления в России уже не возродится. А за границей вас никто из близких родственников видеть не желает. Даже ваши британские кузены. Владимир Константинович, объясните, пожалуйста, что произошло в Петрограде и какова нынче политика партии и правительства. Нашей партии, – добавил Бесоев, выразительно посмотрев на адмирала Пилкина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/mihaylovskiy_aleksandr/vremya-sobirat-kamni-tom-2

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити